ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

АЛЕКСАНДР III АЛЕКСАНДРОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александра III почему-то принято у нас считать солдафоном и пьяницей. И даже приписывать ему изобретение плоской фляжки, которую он прятал в сапог и называл «Голь на выдумки хитра». Современники издевались над конным памятником ему: «Стоит комод, на комоде бегемот».

Чушь это все и ерунда. Понявший, что убийство его отца – Александра II Освободителя – бомбистами распахивает настежь ворота для волны террора, Александр Александрович взял Россию в оборот, подавляя всякое даже мелкое проявление революционных поползновений. Уже при смерти, завещая Россию сыну Николаю II, он сказал: «Держи вот так!» – и сжал свой могучий кулак.

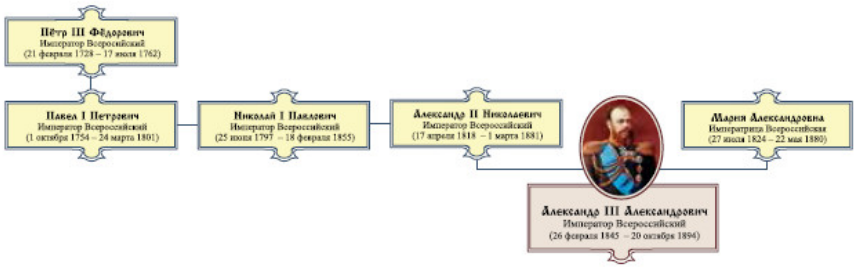
Человек недюжинной силы, он умер не от пьянства, а от того, что надорвался, спасая семью во время крушения царского поезда под Борками удерживал на руках крышу сплющенного вагона, пока из него выбирались его жена и дети и уцелевшие лакеи.

За время его царствования Россия вышла в мировые лидеры по темпам производства, были построены тысячи километров железных дорог. Рубль ценился как мировая золотая валюта. А авторитет страны был такой, что когда в Царское село прибыли послы, а Александр в это время рыбачил на пруду, император сказал: «Когда русский царь удит рыбу Европа может и подождать». И это была не шутка.

И главное – за все царствование, 13 лет, Россия не вела ни одной войны. За что и получил от народа свой высший титул – Миротворец.

- Кирилл Соловьёв
  -
  - Младший брат
  - Цесаревич
  - Дагмара
  - На войне
  - Кризис 1878–1881 гг.
  - Начало царствования
  - Частная жизнь
  - Царь за работой
  - Российское самодержавие
  - Политический курс
  - Экономика
  - Национальная политика

- Царь-миротворец
- Науки и искусства
- Кончина
- Итоги царствования
- Главные даты жизни Александра III Александровича



Кирилл Соловьёв
Император Всероссийский Александр III Александрович. 26 февраля 1845 – 20 октября 1894

Ныне памятник Александру III стоит в Санкт-Петербурге у входа в Мраморный дворец. Когда-то здесь жил великий князь Константин Николаевич, дядя Александра III, который не слишком ладил с племянником. Однако судьба вновь, уже после смерти, свела их. Правда, в 1906 г. памятник был установлен не тут, а на Знаменской площади Санкт-Петербурга (ныне площадь Восстания). Бронзовый Александр III смотрел на Николаевский (теперь Московский) вокзал столицы. Грузный бронзовый мужчина в мешковатой одежде порой вызывал насмешки у прохожих. Сам скульптор Паоло Трубецкой повторял, что он далек от политики, а «изобразил одно животное на другом». Но именно в этом-то многие и видели политику. «Верно! Верно! Толстозадый солдафон! Тут он весь, тут и всё его царствование!» – так оценил изваяние художник И. Е. Репин. Видимо, что-то подобное угадывалось в монументе и родственниками покойного царя. Так, его сын, император Николай II, не слишком довольный изваянием, подумывал сослать памятник своего родителя в Сибирь, а именно в Иркутск. Однако вдовствующей императрице Марии Фёдоровне творение Трубецкого понравилось. Видимо, скульптор что-то угадал в образе императора, что было дорого его супруге. Сам же Трубецкой говорил: «Портрет не должен быть копией. В глине или на полотне я передаю идею данного человека, то общее, характерное, что вижу в нем».

Памятник императору Александру III у Мраморного дворца в Санкт– Петербурге. Скульптор П. Трубецкой.

Судьба памятника в чем-то повторяла изгибы судьбы страны. Монумент не раз менял свою «прописку». В 1919 г. на его постаменте были выбиты стихи революционного поэта Демьяна Бедного:

Пугало
Мой сын и мой отец при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

В 1937 г. памятник демонтировали, а в 1939 г. передали Русскому музею. Он оказался в Михайловском саду Ленинграда. В 1953 г. монумент был перенесен во внутренний двор Русского музея. И наконец, в 1994 г. памятник Александру III оказался перед входом в Мраморный дворец, где творение Паоло Трубецкого заменило броневик с надписью «Враг капитала».

Младший брат

Цесаревич Александр Николаевич (будущий Александр II), встретив караул лейб-гвардии Павловского полка, сказал его начальнику прапорщику Гершельману: «Сегодня Бог дал мне сына, и государь повелел зачислить его к вам в полк; когда придешь в казармы, передай полковому командиру об этой новой милости его величества для объявления по полку». Это случилось 26 февраля 1845 г. О появлении внука императора узнала вся столица. Об этом событии оповестил 301 пушечный выстрел орудий Петропавловской крепости. В тот же день новорожденный великий князь получил еще несколько назначений. Он стал шефом Астраханского Кабардинского полка, зачислен в списки лейб-гвардии Гусарского и Преображенского полков. Спустя полгода, 7 июня, возглавил лейб-гвардию Финляндского стрелкового батальона. В возрасте семи лет великого князя пожаловали в прапорщики, в восемь – подпоручики. Это карьерное движение было верным и поступательным. И все же никто даже не подозревал, что маленький Саша должен был стать Александром III. Ведь он был вторым сыном в семье. С воцарением Александра II наследником престола (цесаревичем) стал старший его сын Николай (1843 г. р.), названный так в честь деда – императора Николая I. Семья была большая. Помимо старших детей, у Александра II было еще четыре сына: Владимир (1847 г. р.), Алексей (1850 г. р.), Сергей (1857 г. р.) и Павел (1860 г. р.). Была и старшая дочь Александра (1842 г. р.), но она умерла, когда ей было 7 лет. Позже, в 1853 г., родилась Мария.

Великий князь Александр Александрович (будущий Александр III).

Даже у совсем маленького Саши все отмечали большие глаза, внимательные, смотревшие исподлобья. В семье у него было прозвище «бульдожка». Александр Александрович еще в отроческие годы был широкоплеч и мускулист. И впоследствии он поражал своей большой силой. Он без особого труда гнул серебряные монеты, колол орехи, сдавливая их между большим и указательным пальцами, и перебрасывал мяч из Аничкова сада через крышу дворца. Великий князь был прост в общении и при этом молчалив и даже застенчив. Тембр его голоса был приятный, мягкий, без оттенков металла и повелительности. И все же Александр Александрович был невероятно упрям, настаивал на своем даже тогда, когда наверняка знал, что не прав. При этом он весьма редко сердился. Говорил громко и отчетливо. Звонко,

заразительно смеялся.

До семи лет ребенка опекали няни-англичанки. Одновременно воспитанием царских сыновей занималась В. Н. Скрипицына, которая учила Николая и Александра чтению, письму, арифметике и Священной истории. Обучение военному делу было поручено генерал-майору Н. В. Зиновьеву и полковнику Г. Ф. Гогелю. В 1853 г. воспитателем царских детей стал известный профессор словесности и истории Я. К. Грот, очень полюбившийся детям.

Маленький Саша довольно много читал: «Историю России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой, «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, романы «Последний новик» и «Ледяной дом» И. И. Лажечникова, «Священную историю для детей, выбранную из Ветхого и Нового Завета» и др. Великий князь полюбил русскую литературу. Среди поэтов предпочтение отдавал Пушкину и Лермонтову. Зачитывался Гоголем. А впоследствии хорошо знал романы Толстого, Достоевского, Тургенева.

Дети взрослели – менялись учителя. С 1860 г. воспитанием великих князей заведовал граф Б. А. Перовский. Под его руководством мальчики учили математику, географию, всеобщую и отечественную историю, русский язык, иностранные языки (английский, немецкий, французский), Закон Божий, естественные науки, рисование, музыку, танцы. Помимо этого, великие князья изучали ремесла: целых пять лет – токарное дело и два года – столярное. В 1860 г. их даже учили фотографировать.

При этом уровень подготовки царских отпрысков вызывал вопросы у тех, кто непосредственно общался с великими князьями. В декабре 1860 г. А. И. Чивилев, назначенный воспитателем к Николаю и Александру, нашел их «запущенными в умственном отношении». По его мнению, они не были приучены к умственному труду. Особенно трудно было учить Александра Александровича. Его наставник – Н. П. Литвинов – жаловался на великого князя, в особенности на его оскорбительную фамильярность. Александр Александрович любил обращаться к Литвинову: «Ты дитя, поручик». Последний демонстративно отворачивался. «Ну вот и рассердился, – отмечал великий князь. – Ну не буду больше, господин поручик». Порой Александр Александрович любил «буффонствовать»: делать гримасы и показывать язык. Довольно дерзко вел себя и с Чивилевым. На занятиях был рассеянным и невнимательным. Уроки часто не готовил. Очень не любил учить стихи. Был слаб в математике. В 16 лет с трудом справлялся с десятичными дробями. Делал много ошибок на письме – и на русском, и на французском. И английским языком владел довольно плохо. Учителя часто

ругали великого князя, а он нередко плакал в ответ. «Ученого из Александра Александровича никогда не уделаем, – констатировал Литвинов. – Зато из него можно бы сделать практически развитого человека, и человека в его положении полезного со временем для общества».

При этом учеба была весьма напряженной. Великие князья вставали в 6.15 утра. Пили чай. Потом до 8 утра готовили уроки, затем шли в классы на занятия. Несмотря на все жалобы преподавателей, Александр Александрович садился за занятия без принуждения и довольно прилежно учился. По указанию учителей он со всей тщательностью переводил иностранные тексты на русский, что, правда, не доставляло ему никакого удовольствия. По вечерам же читал романы М. Н. Загоскина, слушал главы из Ф. Шатобриана. Тогда уже проявился большой интерес будущего императора ко всему, что несло на себе печать старины. В августе 1861 г. он с восторгом осматривал Грановитую палату в Московском Кремле и очень жалел, что там много уже было отреставрировано и, таким образом, дух прошлого ушел безвозвратно. На следующий день он внимательно изучал иконы Архангельского собора. Вместе с историком, археологом и краеведом И. М. Снегиревым посетил старинные палаты Романовых на Варварке. Снегирев пробыл с великими князьями почти целый день, рассказывая занимательные истории из жизни старой Москвы.

Молодой великий князь часто давал поводы для недовольства собой. Он нередко был груб с братьями и придворными. Воспитатели его порицали за бестактность. Порой он пугал окружающих чрезмерной решительностью своих высказываний. Когда 26 сентября 1861 г. за обедом обсуждались беспорядки в Петербургском университете, Александр Александрович не переставая твердил: «Высечь их всех» (то есть студентов). На это присутствовавшие возразили, что так говорили только лавочники в столице. «Ну что же, лавочники – самые умные люди», – парировал великий князь.

Великий князь Александр Александрович (будущий Александр III) с супругой Марией Фёдоровной.

Годы учения кончались. Начиналась служба. 6 сентября 1863 г. Александр Александрович был произведен в полковники. В 1864 г. он впервые отбыл на лагерный сбор при Красном Селе.

Там он командовал стрелковой ротой учебного пехотного батальона, а 6 августа получил свой первый орден – Св. Владимира 4-й степени.

При этом Александр Александрович оставался в тени своего даровитого брата. Цесаревич Николай был любимцем матери. На него возлагались большие надежды. Он заслонял собой всех своих младших братьев. И Александр Александрович с большим трепетом относился к нему, всегда прислушивался к тому, что говорил Ники. Великий князь Николай Александрович получил замечательное образование. Ему преподавали лучшие специалисты в различных науках, которые чрезвычайно высоко оценивали своего воспитанника. Все это предвещало, что его царствование должно было стать особой эпохой в истории России. Однако эти надежды оказались напрасными. Во время заграничного путешествия цесаревич почувствовал сильное недомогание. Его начали мучить боли в спине. Он не мог ходить. Великий князь со свитой поселился на вилле в Ницце. Его пытались лечить, однако болезнь прогрессировала. В апреле 1865 г. великий князь Александр Александрович с братьями прибыл к больному (и как потом оказалось, умирающему) брату. Приехал в Ниццу и император с супругой. «Бедная ма, что ты будешь делать без твоего Ники?» – спрашивал великий князь Николай Александрович у матери. Цесаревич на смертном одре не забывал своего младшего брата, вспоминая его и в беседах со своей невестой – принцессой Дагмар: «Он (Александр Александрович. – *К. С.*) честный, он хрустальный, а у нас порода лисья».

Цесаревич

Великий князь Александр Александрович стал цесаревичем. Воспитатель Чивилев был в ужасе: «Как жаль, что государь не убедил его отказаться от своих прав: я не могу примириться с мыслью, что он будет править Россией». Схожие мысли высказывал выдающийся правовед Б. Н. Чичерин. Беседы с наследником престола приводили его в отчаяние. Великая княгиня Елена Павловна во всеуслышание заявляла, что престол должен был перейти младшему брату великому князю Владимиру Александровичу.

То, что новый наследник престола не был вполне подготовлен к своей высокой миссии, было ясно и Александру II. Его сыну вновь надо было взяться за образование. По словам О. Б. Рихтера, руководившего обучением цесаревича, к моменту кончины великого князя Николая Александровича уровень подготовки его младшего брата был удручающим. По-русски он писал со многими ошибками, его научные познания были весьма ограниченными. Предстояло за короткое время хоть как-то наверстать упущенное. Теперь историю ему преподавали профессор Московского университета Сергей Михайлович Соловьёв и Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Русскую словесность – Фёдор Иванович Буслаев. Экономику – Иван Кондратьевич Бабст и Фёдор Густавович Тернер. Основы государственного строя России – бывший государственный секретарь, однокурсник Пушкина по лицею Модест Андреевич Корф. Занятия по праву вел Константин Петрович Победоносцев.

Порой цесаревич высказывал вполне самостоятельные суждения, далеко не во всем соглашаясь со своими преподавателями. Так, Ф. Г. Тернер вспоминал, как он безуспешно доказывал наследнику престола вред от протекционистской политики. Великий князь Александр Александрович никак не соглашался: «Русская промышленность все же нуждается в значительной охране». При этом и тогда, и впоследствии цесаревич был весьма терпим к чужому мнению, конечно же, практически всегда оставаясь при своем.

Новый наследник престола не был общительным человеком, не любил светские приемы и балы, сторонился придворных дам. Таким поведением он не мог снискать симпатий среди столичной аристократии. Он порой вызывал неприятие даже у ближайшего окружения императора. О нем весьма скептически отзывался родной дядя – великий князь Константин Николаевич. Цесаревич не был доволен его отношением к себе и своим братьям. «Он с

нами обращался, как со свиньями!» – впоследствии вспоминал Александр III.

Не многие составляли двор нового цесаревича. В основном приближенные достались ему «в наследство» от умершего брата: это граф С. Г. Строганов, генерал О. Б. Рихтер, князь В. А. Барятинский, П. А. Козлов, Ф. А. Оом, И. К. Бабст, К. П. Победоносцев и князь В. П. Мещерский. Пожалуй, исключения составили граф И. И. Воронцов-Дашков и граф С. Д. Шереметев, которые не были близки ко двору прежнего цесаревича.

И все же великий князь Александр Александрович нуждался в знакомствах, в общении, которое могло бы оказаться полезным и познавательным. Здесь ему на выручку пришел приятель старшего брата – князь В. П. Мещерский. Цесаревич нередко посещал его кружок, где собирались интересные люди: например, поэт А. К. Толстой, публицист М. Н. Катков, один из «отцов» славянофильства И. С. Аксаков, правовед К. П. Победоносцев. Последний не был таким мрачным и угрюмым, как впоследствии. По словам графа С. Д. Шереметева, «простой и приветливый, он привлекал своим несомненным выдающимся умом, оригинальностью речи, истинным юмором и меткостью суждений». Будучи уже императором, Александр III вспоминал, как было интересно на вечерах у Мещерского, и сожалел, что все это осталось в далеком прошлом.

Дагмара

От старшего брата Александру досталось и другое, пожалуй, более ценное «наследство»… Сентябрьским утром 1865 г. к Большому Царскосельскому дворцу подъехала четырехместная коляска. Из нее вышла молодая девушка, на которую были обращены взоры всех встречавших. Она же приветливо кланялась во все стороны. Это была датская принцесса Дагмара. Она производила чарующее впечатление. В высшем свете жалели принцессу. Вместо утонченного и во всех смыслах выдающегося жениха ей доставался грубый и неотесанный супруг, который даже не танцевал на балах, посвященных его будущей невесте. Весьма холодна была к ней и императрица – Мария Александровна.

Принцесса Дании Мария София Фридерика Дагмара. После принятия православия – великая княгиня Мария Фёдоровна.

Такое отношение цесаревича к невесте брата вполне объяснимо, если знать, что совсем недавно, в 1864 г., Александр

Александрович влюбился во фрейлину матери – княжну Марию Элимовну Мещерскую. Она была прекрасной, молчаливой и загадочной. Цесаревич же был в высшей степени серьезен в своем желании променять свое высокое предназначение на семейное счастье. Сам он писал: «Я ее люблю не на шутку и если бы был свободным человеком, то непременно женился и уверен, что она была бы совершенно согласна». Августейшим родственникам Александра Александровича пришлось предпринимать чрезвычайные меры, дабы этого не случилось. Великий князь говорил отцу, что не желает престола, не чувствует себя готовым к нему и, соответственно, не собирается ехать в Данию, чтобы свататься к Дагмаре. Александр II только сердился: «Что же ты думаешь, что я по своей охоте на этом месте, разве ты так должен смотреть на свое призвание? Ты, я вижу, не знаешь сам, что говоришь, ты с ума сошел… Если это так, то знай, что я сначала говорил с тобой, как с другом, а теперь приказываю ехать в Данию, и ты поедешь, а княжну Мещерскую я отошлю…» Действительно, М. Э. Мещерская была выслана за границу, где была выдана замуж за П. П. Демидова, князя Сан-Донато. Как вспоминал граф С. Д. Шереметев, «она вышла замуж за великосветского савраса и была глубоко несчастлива. До меня дошла позднее такая выходка ее мужа: уже беременная поехала она в театр, кажется, в Вене, когда муж ее внезапно выстрелил из пистолета в ее ложе, в виду шутки, чтобы ее напугать». М. Э. Мещерская прожила недолго. Она умерла на следующий день после рождения сына.

Княжна Мария Элимовна Мещерская.

Как и следовало ожидать, цесаревич подчинился воле отца. В июне 1866 г. он прибыл в Копенгаген, где сделал официальное предложение датской принцессе. Великий князь смущался, не знал, с чего начать. В итоге спросил Дагмару: «Говорил ли с Вами король о моем предложении и о моем разговоре?» Принцесса удивилась. «Тогда я сказал, что прошу ее руки. Она бросилась ко мне обнимать меня… Я спросил ее: сможет ли она любить еще

после моего милого брата? Она…снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее». 28 августа великий князь вернулся в Царское Село. А 1 сентября из Копенгагена отбыла уже принцесса. Среди провожавших был, наверно, и самый известный датчанин – Ганс Христиан Андерсен. «Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! – писал он. – Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше…»

17 сентября царская невеста торжественно въехала в Петербург. Последовали бесконечные праздники, а для принцессы – еще и уроки: русского языка и Закона Божьего. 12 октября в Зимнем дворце принцесса Дагмара присоединилась к православной церкви и была официально провозглашена Марией Фёдоровной. Наконец, 28 октября состоялось бракосочетание. Молодожены поселились в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. Здесь они жили и после того, как великий князь Александр Александрович вступил на престол. По словам журналиста и близкого знакомого князя В. П. Мещерского И. И. Колышко, «трудно было представить себе по внешности более несхожие существа, как этот суровый, шутя гнувший подковы, нелюдимый и необщительный гигант и крошечная, хрупкая, как фарфор ее родины, всем улыбавшаяся и всех озарявшая взглядом своих прекрасных очей, общительная датчанка. Но гигант подчинился крошке, а крошка полюбила неладного гиганта, как когда-то любила его ладного брата».

Молодожены путешествовали по России и Европе. Весной 1867 г. великокняжеская семья – в Москве. Цесаревна «появлялась, как солнечный луч, а с нею рядом, словно все еще в тени своего брата, добродушно, спокойно, но твердо выступал тот, о котором принято было говорить со слов умирающего брата, что у него “хрустальная душа”». В июне 1867 г. Александр Александрович вместе с царской семьей – в Париже. Там произошло второе покушение на жизнь императора Александра II. Стрелял в него поляк А. Березовский. Никто не мог быть уверенным, что террорист был одинок в своем желании отомстить императору за подавление польского восстания. Живо реагируя на случившееся, наследник престола был резок, категоричен и весьма эмоционален. Молчаливый и даже робкий в обществе великий князь был бескомпромиссен и решителен в письмах к товарищу. «Я не мог ни веселиться, ни проводить время спокойно ни на одну минуту. Нельзя было ручаться за каждый новый день, что не повторится то же самое… Париж, особенно в настоящее время, так переполнен всяким народом. Одних поляков, скотов,

до 25 000 человек», – писал цесаревич В. П. Мещерскому. По мнению наследника престола, поляков должен был возненавидеть любой русский. Вместе с тем российская бюрократия, к неудовольствию великого князя, продолжала малодушно идти на уступки Польше. Александр Александрович не желал оставаться в Париже. «Это вертеп», – констатировал цесаревич. Зато он почувствовал отдохновение, когда, наконец, оказался в «милой Дании».

Как раз тогда, в Дании, у Марии Фёдоровны случился выкидыш из-за неосторожной верховой езды, которую очень любила великая княгиня. Наконец, в 1868 г. у нее родился сын Николай (будущий Николай II). В своем дневнике Александр Александрович записал: «…Около 12.30 жена перешла в спальню и легла на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Минни (Мария Фёдоровна. – *К. С.*) очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать мою душку все время. Наконец, в половине третьего пришла последняя минута и все страдания кончились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем…» Вскоре родился Александр, который, правда, прожил совсем недолго. Согласно воспоминаниям С. Д. Шереметева, эта смерть чрезвычайно сблизила супругов. В 1871 г. у цесаревича появился на свет сын Георгий, в 1875 г. – дочь Ксения, в 1878 г. – сын Михаил. Дочь Ольга родилась уже у императора, Александра III, в 1882 г.

23-летний великий князь не должен был оставаться без серьезного дела. В 1867 г. великий князь Михаил Николаевич писал племяннику: «Жду с нетерпением той минуты, когда ты в состоянии будешь облегчать труды твоего отца, как он это делал в отношении Ан-Папа (Николая I. – *К. С.*); это и для тебя самого будет в высшей степени полезно, ибо исподволь подготовит тебя к огромному труду и ответственности, которые тебе суждено когда-нибудь принять на твои собственные плечи! Но для того чтобы быть в состоянии исполнить это важнейшее назначенье твоей жизни, надо тебе самому, Саша, много еще работать, готовиться, думать и стараться и не терять ни минуты, ибо время дорого». Еще в 1866 г. цесаревич был введен в состав Государственного совета, а в 1868 г. – Совета и Комитета министров, возглавил комиссию по оказанию помощи голодающим в северных губерниях (прежде всего в Архангельской). За последнее дело цесаревич принялся с энтузиазмом и достиг немалых успехов. Так его постепенно привлекали к делу управления государством. Однако на заседаниях правительственных учреждений застенчивый великий князь Александр Александрович почти не выступал, а

преимущественно молчал и слушал.

Вместе с тем у него постепенно формировалось собственное понимание многих вопросов. Цесаревич критически оценивал военного министра Д. А. Милютина и его деятельность (в том числе и реформу 1874 г.). Министр народного просвещения А. В. Головнин вызывал его резкое неприятие. Великий князь даже обращался к отцу (правда, без особого успеха), отмечая, что этот государственный деятель «отменил все предания дисциплины в учебном мире» и тем самым способствовал умственному «развращению» молодежи. Наследник престола с большим интересом читал славянофильские издания, статьи И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина. В том числе под этим влиянием у него складывался свой взгляд на политику России на окраинах империи. В частности, он возмущался господством немецких баронов в Остзейском крае (современных Эстонии и Латвии).

На войне

В 1877 г. Россия вступилась за славянские народы, восставшие против Османской империи. Это было трудное решение. Многие министры были против, понимая все риски предстоящей войны. Памятна была неудачная Крымская эпопея 1853–1856 гг. Лишь недавно (в 1874 г.) прошла военная реформа, которая еще не могла дать должных результатов. Против начала военных действий выступал министр финансов М. Х. Рейтерн, понимавший, что для российской казны они могли бы стать чрезмерным испытанием. Долго сомневался сам император. Наследник же престола был куда более решителен. В сентябре 1876 г. он записал в своем дневнике: «Вся Россия говорит о войне и желает ее, и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае она будет одна из самых популярных войн, и вся Россия ей сочувствует». Участвуя в совещаниях, посвященных предстоящим военным действиям, Александр Александрович часто противоречил отцу, подчас вызывая его раздражение. Цесаревич торопил события, возмущался малодушием дипломатов. Он писал брату Владимиру: «Мы все ждем, ждем и ждем, а чего ждем – конечно войны!.. Вот что значит нерешительная дипломатия полуразмягченного канцлера (А. М. Горчакова. – *К. С.*)!!!» И все же позиция сторонников войны (в том числе и близкого к ним цесаревича) взяла верх. Война началась. И великий князь не остался в стороне, отправившись на Балканы.

Командующий Рущукским отрядом великий князь Александр Александрович в Брестовице. Художник В. Д. Поленов.

«Моя душка Минни, – писал цесаревич жене, – не грусти и не печалься и не забывай, что я не один в таком положении, а десятки тысяч нас, русских, покинувших свои семейства за честное, прямое и святое дело, по воле государя нашего и по благословению Божьему». Александр Александрович просил жену молиться за него. О том же просил и своих сыновей: «Скажи от меня Ники и Георгию, чтобы и они молились за меня. Молитва детей всегда приносит счастье родителям…» Александр Александрович ехал на Дунай, не зная, разрешит ему отец возглавить какой-либо отряд или нет. Александр II и сам не был в этом уверен. Более того, император задумывался о том, чтобы отозвать наследника обратно в Петербург. Было вполне обоснованное опасение, что англичане могли объявить войну России. За ними с неизбежностью последовала бы и Австро-Венгрия. И тогда бы пришлось всерьез задуматься о безопасности столицы. Этого, к счастью, не случилось. Война же затягивалась. Русские войска остановились у крепости Плевна. «Начало войны было столь блестящее, а теперь от одного несчастного дела под Плевной все так изменилось, и положительно ничего мы не можем делать. Но я твердо уверен, что Господь поможет нам и не допустит неправде и лжи восторжествовать над правым и честным делом, за которое взялся государь и с ним вся Россия. Это был бы слишком тяжелый удар православному христианству

и на долгое время, если не совсем, уничтожило [бы] весь славянский мир», – писал наследник престола супруге.

Смотр войск Александром III близ Тифлиса. Художник Ф. А. Рубо.

Наконец, 26 июля 1877 г. цесаревич вступил в командование Рущукским отрядом. Армия не наступала, топталась на месте. На Дунае же стояла жара, еды и воды солдатам не хватало. Среди военных царила скука, в Петербурге – уныние. При этом турецкая армия оказалась выше всяких ожиданий. 16 августа цесаревич писал Марии Фёдоровне: «Не думали мы тоже, что до такой степени турки еще сильны и что войско их будет так хорошо драться, как оно дерется теперь, и постоянно у них войска прибавляется, и в настоящую минуту они численностью превышают нашу армию». «Бойня» под Плевной произвела удручающее впечатление на будущего императора. До сих пор он не видел ни одного сражения. Теперь же только о Плевне и рассказывал. 18 сентября 1877 г. великий князь Александр Александрович в письме к жене констатировал, что дядя-главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, потерял популярность в армии и даже всякое уважение к себе. Продвижения армии не было. Цесаревичу пришлось поселиться в уютном домике, откуда он изредка выходил погулять, вооружившись палкой, дабы не утонуть в грязи. Хлеба и сухарей солдатам не хватало. Интендантство работало отвратительно. Наследник престола видел вокруг себя повсеместное воровство и мошенничество.

Об участии в войне великого князя Александра Александровича свидетельствуют не только рапорты, письма и воспоминания, но и живописные этюды В. Д. Поленова. Художник прибыл в Рущукский отряд в начале ноября 1877 г. Он зарисовал

домик цесаревича, болгарскую церковь, столовую. 30 ноября живописец даже участвовал в сражении у Трестеника и Мечки, после которого военная кампания для цесаревича должна была закончиться. Ведь в декабре 1877 г. наследнику престола было приказано сдать свой отряд под командование генерала Э. И. Тотлебена. И все же император оставил сына на Балканах. Последний же не уставал возмущаться военным командованием: «Сам дядя Низи (великий князь Николай Николаевич. – *К. С.*) ничего не видит, ничего не знает, воображает, что все идет великолепно, что все его обожают и что он всему голова! Сильно же будет его разочарование, если когда-нибудь он увидит и узнает все, что было, и все, что происходит; но не думаю, что он когда-нибудь сознается, наконец, что он совершенно не способен быть главнокомандующим, недостаточно у него такта на это и недостаточно он умен, чтобы сознать это». Цесаревич был вынужден часто не исполнять приказания дяди, если «они слишком глупы». Весьма скептически он оценивал «назначенных» героев русско-турецкой войны: М. Д. Скобелева, А. П. Струкова и И. В. Гурко. По оценке Александра Александровича, они «менее всего заслуживали это… Все выдвигают самых низких и непорядочных людей».

Эта критика вполне объяснима, если иметь в виду разочаровавший финал многообещающего военного похода. Русская армия была на подступах к Константинополю, когда была вынуждена согласиться на мир, опасаясь столкновения с Англией. Впереди же Россию поджидало дипломатическое поражение на Берлинском конгрессе, поставившее под сомнение все добытое кровью солдат. В итоге успехи оказались значительно более скромные, чем можно было ожидать.

Кампания завершалась. Цесаревич, недовольный ее исходом, по крайней мере мог быть доволен собой. 20 января 1878 г. великий князь Николай Николаевич благодарил своего племянника: «Милый Саша, нет у меня достаточных слов, чтобы тебе выразить всю мою глубокую и душевную благодарность за все время кампании, в которую тебе выпало на долю столь трудное дело охранения моего левого фланга. Ты, поистине, выполнил эту нелегкую задачу вполне молодецки. Восточный отряд стоял непреодолимой стеной, и все попытки неприятеля ее пробить были тщетны». Наследник престола не остался без наград. В сентябре 1877 г. он получил орден Св. Владимира, в ноябре – Св. Георгия 2-й степени, а в феврале 1878 г. – золотую саблю с бриллиантами и надписью «За отличное командование».

Кризис 1878–1881 гг.

Вернувшись в столицу, цесаревич застал правительство в состоянии кризиса. Как и предсказывал Рейтерн, финансовое положение России было подорванным. Дипломатические неудачи, последовавшие за русско-турецкой войной, стали тяжким ударом для страны. Члены подпольной революционной организации «Народная воля» «приговорили» к казни Александра II и развернули настоящую охоту на него. Все это ставило под сомнение результаты, казалось бы, выдающегося царствования.

Как раз тогда, в 1878 г., цесаревич решил заняться конкретным делом – созданием частной торговой организации – Добровольного флота, которой бы существовал за счет пожертвований. В мирное время построенные корабли использовались бы как транспортные средства, а в военное – переоборудовались бы в боевые. Таким образом наследник престола хотел внести свой посильный вклад в перевооружение армии, состояние которой он оценивал как весьма печальное. Александр Александрович достиг некоторых успехов в этом деле, однако он сталкивался с недоброжелательством со стороны генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, руководившего флотом России.

По крайней мере с середины 1870-х гг. цесаревич едва выносил своего чрезвычайно влиятельного родственника. В письмах к жене он называл великого князя Константина Николаевича «дрянью», «противной тварью». Невысокого мнения он был и о другом дяде – великом князе Николае Николаевиче, который был, по словам племянника, «отвратительным главнокомандующим» и «мерзейшим поляком». И впоследствии Александр Александрович к своей семье относил братьев, жену и детей, а всех прочих многочисленных родственников – к «фамилии», которой отнюдь не симпатизировал.

Трудное положение страны требовало решительных мер. В этой связи 25 января 1880 г. в Мраморном дворце под председательством как раз Константина Николаевича прошло совещание, посвященное планам реформы Государственного совета. Речь шла о давней записке видного сановника империи П. А. Валуева (1863 г.) и новом проекте самого Константина Николаевича (1880 г.), предполагавшем включение выборных представителей в состав этого учреждения – высшего законосовещательного органа России. Цесаревич выступил категорически против подобных преобразований. «Проекта не нужно издавать ни сегодня, ни завтра. Он есть, в сущности,

начало конституции, а конституция, по крайней мере надолго, не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой. И в западных государствах от конституций беда. Я расспрашивал в Дании тамошних министров, и они все жалуются на то, что благодаря парламентским болтунам нельзя осуществить ни одной действительно полезной меры. По моему мнению, нам нужно теперь заниматься не конституционными помыслами, а чем-нибудь совершенно иным». «Но почему же ты думаешь, что будут выбирать одних адвокатов?» – недоумевал дядя. «При такой апатии общества нельзя ожидать выбора полезных и толковых людей», – отвечал наследник. По его мнению, прежде всего следовало добиться единства правительственной администрации, способов координации усилий всех министерств. Великий князь Константин Николаевич записал тогда в своем дневнике: «…У меня [был] длинный и добрый разговор с Сашкой (цесаревичем. – *К. С.*). Он вполне сознает невозможность теперешнего положения, что что-нибудь сделать необходимо; но что именно? В этом отношении мысли его еще вовсе не установились и еще блуждают».

Ливадийский дворец.

Спустя 10 дней, 5 февраля 1880 г., в Зимнем дворце произошел взрыв. Это было очередное покушение на царя. Только по случайности император не погиб. «Господи, благодарим Тебя за новую Твою милость и чудо, но дай нам средства и вразуми

нас, как действовать! Что нам делать!» – записал в своем дневнике великий князь Александр Александрович. 8 февраля на совещании у императора цесаревич выступал за создание верховной следственной комиссии с самыми широкими, по сути, диктаторскими полномочиями. В сущности, он пересказывал содержание недавней статьи видного публициста и издателя газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Предложение великого князя было отвергнуто. Александр Александрович не терял надежды и написал отцу письмо, в котором настаивал на своей точке зрения. В итоге на следующий день она восторжествовала. 9 февраля была создана Верховная распорядительная комиссия, во главе которой встал М. Т. Лорис-Меликов.

Лорис-Меликов – генерал, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – был призван на высший государственный пост, дабы вывести страну из состояния кризиса. Наследник престола был очень рад этому назначению, надеясь, что прославленному военному удастся навести порядок в стране. Лорис-Меликов планировал провести множество реформ, которые бы разрешили целый комплекс проблем. Они позволили бы расправиться с революционным подпольем, улучшить материальное положение «низов», усовершенствовать управленческий аппарат и, наконец, создать условия для диалога власти с обществом. Именно поэтому в Петербурге заговорили о «диктатуре сердца» Лорис-Меликова. Предложенные им меры наследник престола всецело одобрял. Например, цесаревич с радостью воспринял факт упразднения во многом одиозного III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Дело в том, что в августе 1880 г. Верховная распорядительная комиссия была распущена, а сам Лорис-Меликов возглавил Министерство внутренних дел, на которое возлагались функции в том числе упразднявшегося III Отделения (то есть политический сыск). «Диктатор» был чрезвычайно почтителен к цесаревичу, регулярно посещал наследника престола и подолгу беседовал с ним. Великий князь, в свою очередь, был в высшей степени откровенен с генералом, позволял в его обществе весьма резкие суждения о своих близких родственниках.

При монархическом строе семейные дела имеют немалое государственное значение. Беспорядок в царском доме может иметь тяжелые последствия для всей страны. Драма в семье Александра II стала важной составляющей кризиса, который тогда переживала Россия. 22 мая 1880 г. скончалась давно болевшая императрица Мария Александровна. Ее нашли в постели мертвой. Кончина матери произвела тяжелое

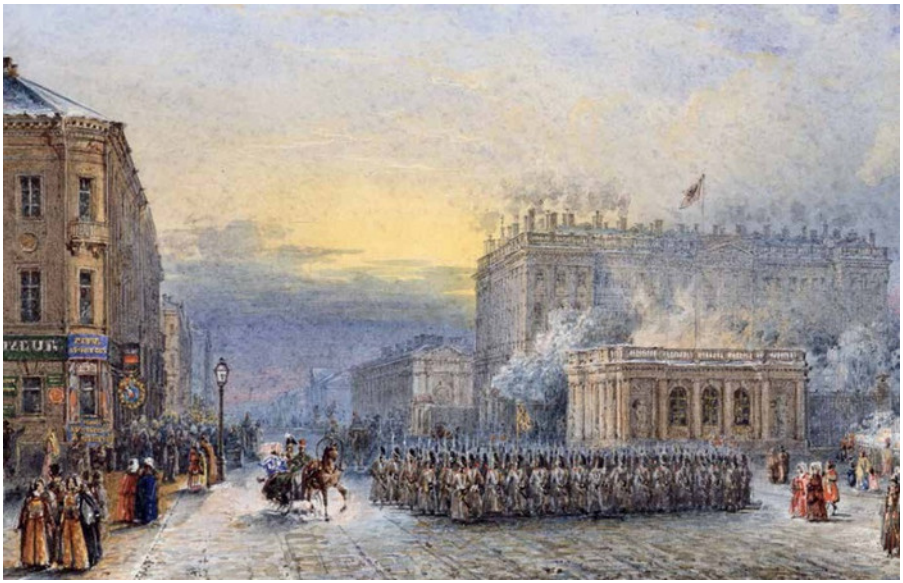
впечатление на нежно любившего ее цесаревича. «Папа мы очень любили и уважали, но он по роду своих занятий и заваленный работой не мог нами столько заниматься как милая, дорогая мама… Всем, всем я обязан мама – и моим характером, и тем, что есть! Никогда и никто не имел на меня влияния, кроме двух дорогих существ: Мама и Никсы (старшего брата Николая Александровича. – *К. С.*)», – писал жене Александр Александрович.

Уже 6 июля 1880 г. Александр II обвенчался с Екатериной Долгоруковой. К этому моменту прошло лишь сорок дней после кончины императрицы. Когда государь объявил детям о предстоящем браке, первым взял слово цесаревич. Он сказал, что готов безусловно уважать отцовскую волю. В глазах Александра II стояли слезы.

Княжну Екатерину Михайловну Долгорукову, которая была младше царя на тридцать лет, связывали давние, длившиеся почти четверть века отношения с императором. У них были дети. Еще при жизни императрицы Александр II перевез свою возлюбленную в Зимний дворец. Все это отягощало страдания тяжело больной Марии Александровны. Поведение же императора вызывало резкое неприятие наследника, всецело сочувствовавшего матери.

Теперь же, в июле 1880 г., княжна Долгорукова стала светлейшей княгиней Юрьевской. Ей оставалось лишь мечтать о коронации, когда бы новую супругу царя, наконец, провозгласили императрицей. Вокруг молодой жены императора формировалась целая «партия». Среди ее членов был и великий князь Константин Николаевич, который всячески демонстрировал расположение к светлейшей княгине: целовал ее руки, ласкал ее детей. К этой «партии» стал примыкать и Лорис-Меликов, чувствуя большое влияние жены Александра II. Е. М. Юрьевская вела себя подчас вызывающе и бесцеремонно. В императорском дворце в Ливадии она заняла покои недавно умершей императрицы, что поразило до глубины души решившего навестить отца цесаревича. В своем дневнике он записал: «Отправились в Ливадию в дом папа, где были встречены в комнатах мама княжной Долгоруковой с детьми! Просто не верится глазам, и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! Где на каждом шагу вспоминаешь о дорогой душке мама! Положительно мысли путались, и находились мы с Минни совершенно во сне». Цесаревич был предельно сдержан, старался многое «не замечать». В свою очередь, княгиня Юрьевская всячески подчеркивала свое положение новым родственникам – великим князьям. Порой она вмешивалась и в государственные дела. В то

же время Александр II все меньше интересовался ими, отдавшись счастью семейной жизни и доверившись своим ближайшим сотрудникам.



Вид Аничкова дворца и Невского проспекта зимой. Художник В. С. Садовников.

Судя по всему, накануне 1881 г. отношения в августейшем семействе существенно обострились. Видимо, Александр II был склонен пойти на коронацию жены, что вызвало резкое неприятие наследника. Согласно широко распространенным в обществе слухам, он будто бы заявил отцу, что в случае коронации уедет с женой и детьми в Данию. В ответ на это император обещал провозгласить наследником престола Георгия, своего старшего сына от княгини Юрьевской.

Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге.

Примерно в то же самое время Лорис-Меликов вновь обратил императора к мысли, раскритикованной наследником еще год назад, в начале 1880 г. Министром внутренних дел был подготовлен проект реформы Государственного совета, который должен был пополниться выборными представителями земств и городов. Высшее законосовещательное собрание должно было стать представительным учреждением. Некоторым казалось, что это могло стать первым и, возможно, решающим шагом к конституционному устройству. Неслучайно за этим проектом в литературе закрепилось название, в сущности, неверно характеризующее его содержание: «конституция Лорис-Меликова». Собственно, так понимал ситуацию и сам император. По словам великого князя Владимира Александровича, 1 марта 1881 г. он сказал сыновьям об этом документе: «Я согласился [на него], хотя не могу скрыть от себя, что мы идем по пути к конституции».

В тот день Александр II одобрил соответствующий журнал комиссии Лорис-Меликова. На 4 марта было назначено заседание Совета министров, который, скорее всего, солидаризировался бы с позицией царя и «диктатора». Однако точки над «i» суждено было расставить не императору, а террористам. 1 марта император Александр II был смертельно ранен на набережной Екатерининского канала.

Начало царствования

Бывают дни, о которых говорят годами. Порой в считанные часы решается судьба десятилетий. Так было тогда, в марте – апреле 1881 г. То были новые «мартовские иды» (15 марта 44 г. до н. э. был убит древнеримский полководец, диктатор Гай Юлий Цезарь), по меткому определению П. А. Валуева. Никто не знал, что последует за ними. Валуев полагал, что молодой император уже в первые дни своего царствования должен был задуматься о завещании на случай вполне вероятного несчастья. Надо было глядеть в глаза опасности, которая, казалось, поджидала верховную власть на любом перекрестке.

Необходимость новых преобразований после трагической смерти Александра II была очевидной. Однако не было вполне ясно, в каких именно переменах нуждалась империя. В динамично менявшейся России политическая система в целом сохранялась прежней. Она с неизбежностью противоречила новым, прежде неведомым условиям жизни. Например, многие земские деятели и некоторые либеральные сановники в правительстве рассчитывали на расширение полномочий органов местного самоуправления, на «достройку земского здания» снизу и сверху. Фундаментом здания должно было стать волостное земство, способное обустроить крестьянскую жизнь, а увенчать здание надлежало всероссийскому земскому собранию, то есть общенациональному представительному учреждению.

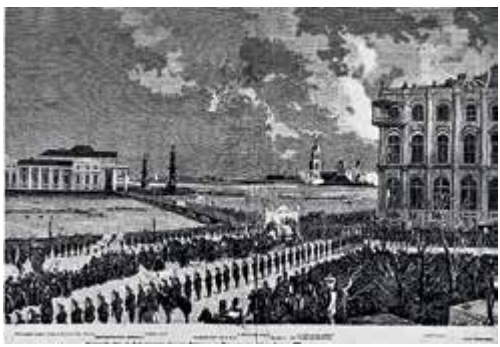
В то же самое время консервативно настроенные чиновники смотрели на независимое земство как на постоянный источник конфликтов и считали необходимым ограничить его полномочия. Столь же неудобным представлялся им и независимый суд, действовавший согласно Уставам 1864 г. Практика показывала, что он мало годился для того, чтобы карать антиправительственные выступления. Самый яркий пример тому – процесс 1878 г. над В. И. Засулич, покушавшейся на жизнь столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова за то, что он в нарушение закона подверг телесному наказанию политического заключенного. Присяжные вопреки очевидным уликам ее оправдали.

Вплоть до 1881 г. фактически не была завершена крестьянская реформа, начавшаяся за двадцать лет до того. Часть крестьян до сих пор еще не перешли на выкуп своих наделов. Положение осложнялось финансовым кризисом второй половины 1870-х гг., нехваткой денег в казне, дипломатическими неудачами. Наконец, террористические акты, завершившиеся

гибелью царя, заставляли предполагать, что за ними стояло масштабное движение, реальную силу которого сложно было понять из чиновничьих канцелярий.

Убийство императора Александра II 1 марта 1881 г.

Таким образом, в русском обществе ощущался кризис, который можно было объяснять по-разному. Для одних его причина – незавершенность реформ, отсутствие важнейшей из них – политической. Другие видели причину в поспешности преобразований, которые проводились без учета российских реалий. Казалось, что и выхода было два: либо завершить цикл Великих реформ, преобразовав государственный строй и ограничив власть монарха, либо постараться приноровить все новое к традиционным устоям жизни России. Первый путь ассоциировался с бывшим «диктатором сердца» М. Т. Лорис-Меликовым, второй – с обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым.



Похороны императора Александра II.

Лорис-Меликов, не оставлявший мысли о реформе Государственного совета, о превращении его в представительное учреждение, опасался «тлетворного влияния» Победоносцева. Победоносцев же остерегался «фокусника» Лориса. Он не видел

достаточной воли у молодого императора, чтобы устоять под давлением министра внутренних дел. Ему царя было «жаль, как бедного, больного, ошеломленного ребенка». Победоносцев убеждался, что никто не решался вступить в борьбу с казавшимися ему опасными конституционными замыслами. «Власть изветрилась, измочалилась; все стали не мужчины, “а сердцем хладные скопцы”».

Коронационные торжества в Москве в 1883 г.

6 марта 1881 г. он отправил письмо Александру III. Победоносцев молил: «Или теперь спасать Россию и себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, – о,

ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день». Сам колеблющийся и вечно сомневающийся Победоносцев призывал к решительности: «Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного».

Объявленіе.

Императоръ Александръ Александровичъ.

Манифест о восшествии Александра III на престол.

В тот же день, 6 марта, царь прочел текст доклада и Лорис-Меликова. Министр внутренних дел просил Александра III созвать Совет министров для обсуждения проекта государственной реформы. Император согласился. Спустя сутки была назначена дата совещания – 8 марта.

Наступало время траурных церемоний. 7 марта тело покойного императора должны были перенести в Петропавловскую крепость. Все было наводнено полицией и войсками. Согласно впечатлениям государственного секретаря Е. А. Перетца, церемония была проведена крайне небрежно. «Стройности в шествии не было, многие из чиновников разговаривали и шли не попарно, как бы следовало, а кучками, даже курили. Несшие ордена обращались с ними иногда

бесцеремонно, держа, например, подушку под мышкой». Так кончалась целая эпоха. Оставалось лишь поставить точку, которой могло стать принятие «конституции» М. Т. Лорис-Меликова.

Как и было обещано, 8 марта в два часа пятнадцать минут началось заседание Совета министров. Уже без четверти два министры собрались в Малахитовом зале Зимнего дворца. Явился император. Он попросил всех пройти в соседнюю комнату. Там он пожал руку каждому. Александр III не без смущения начал: «Господа, я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного». Да, проект Лорис-Меликова уже получил одобрение покойного императора. Сомнения вызывали лишь частности. Однако вопрос еще не был предрешен, так что присутствующие могли откровенно высказаться о проекте. Начало обсуждению положил сам Лорис-Меликов, который должен был зачитать свою записку, составленную еще до 1 марта, а следовательно, во многом устаревшую. Он выглядел во многом нелепо, когда декларировал успехи, достигнутые прежней примирительной политикой правительства.

Как и полагалось, основным оппонентом Лорис-Меликова выступил К. П. Победоносцев. Он был белым как полотно. Для него в этот момент и царем, и Россией решался гамлетовский вопрос: быть или не быть. Что же делать, если ответ будет дан отрицательный. Принять этот проект – значит провозгласить конец России, убеждал он присутствующих. «При соображении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью…» Конечно же, по мнению Победоносцева, инициаторы этого проекта лукавили, они хотели конституции. Может быть, они рассчитывают лишь сделать первый шаг к ней. «А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг». Кого будут представлять народные избранники, кроме себя? Никого. С этим утверждением вполне согласился император. Он вновь вспомнил, как в Дании министры жаловались ему на депутатов, которые не могли считаться выразителями народного мнения.

Победоносцев, получив Высочайшую поддержку, продолжал. Он недоумевал, зачем России нужна очередная «говорильня». Как раз из-за пустословия не были разрешены важнейшие проблемы, стоявшие в предыдущее царствование. «К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян? К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без

которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков». Создали «говорильню» – земские учреждения и городское самоуправление. Эти новые органы, естественно, не вели должной работы, а лишь «разглагольствовали» о самых важных государственных вопросах. «Говорильня» воцарилась и в суде, который стал оправдывать самые тяжкие преступления. Свободу получила печать, «самая ужасная говорильня». В итоге действовавшая власть оказалась дискредитированной. «И когда, государь, предлагают нам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню…» Всего через неделю после злодеяния, когда еще не погребено тело погибшего императора! «Все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на повторяющиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!» «Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя», – согласился царь. Не нужна говорильня, нужно дело, подытожил свою мысль К. П. Победоносцев.

Военный министр Д. А. Милютин так оценил сказанное: эта речь – прямое осуждение не только предыдущего царствования, но и всей европейской цивилизации. Очевидно, выступление произвело сильное впечатление на присутствующих.

Тогда, 8 марта, решение принято не было. Без четверти пять участники совещания разъезжались по домам. Александр III задержал лишь Лорис-Меликова, с которым хотел специально переговорить. Как следовало оценивать это заседание? Великий князь Константин Николаевич был настроен оптимистично. М. Т. Лорис-Меликов – наоборот. Слишком уж избалован министр внутренних дел успехами, констатировал Е. А. Перетц.

Коронация Александра III. Художник Г. Беккер.

В Петропавловском соборе пока еще оставался непогребенным Александр II. Назначенные дежурными у тела покойного императора порой вовсе не являлись. Особенно часто это происходило по ночам. «А при жизни его эти не являющиеся теперь считали бы для себя величайшим счастьем побыть вблизи его хотя бы десятую часть времени, назначенного для дежурства; многие из них готовы были бы скакать для этого на край света». Примерно в те же дни жена К. П. Победоносцева была на месте убийства Александра II. Домой она вернулась в слезах. Там беспрестанно служились панихиды. Плачущий народ не покидал набережной Екатерининского канала.

В городе не прекращались аресты. Государю стоило волноваться за свою жизнь, ожидая своего возможного убийцу из-за каждого угла. 11 марта К. П. Победоносцев, опасаясь за жизнь Александра III, давал такие рекомендации императору. Собираясь ко сну, царь должен был закрывать за собой все двери, причем не только в спальне, но и во всех прилегающих комнатах, вплоть до входной. Особо доверенный человек должен был специально следить за замками, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были на месте. Каждый вечер надо было проверять, целы ли проводники замков. Ведь их можно подрезать. Наконец, каждый вечер надо заглядывать под стулья и под кровать: все ли там в порядке? Победоносцев настоятельно советовал, чтобы кто-нибудь из адъютантов императора ночевал вблизи от царя.

Гатчина, где император жил с конца марта, стала напоминать тюрьму. Парк был оцеплен несколькими рядами часовых. Всюду были конные разъезды, секретные агенты. Никто не пропускался во дворец без особого билета с фотографией на обороте. Сам же император жил в уединении. Принимал посетителей лишь в среду и пятницу.

И в Петербурге вокруг дворцов прорывались рвы. Запрещалось ходить в непосредственной близости от царских резиденций. В окружении Александра III задавались вопросом, можно ли дальше жить в столице. Ответ часто давался отрицательный. Московские же славянофилы настойчиво призывали императора: «Пора домой», то есть в первопрестольную. По словам П. А. Валуева, «нигде настоящего правительства не видно и ни в чем направляющая и объединяющая правительственная идея не обнаруживается. Быстро катится шар по наклонной плоскости и натрескивается».

Общество же было наэлектризовано и остро реагировало на все происходившее. 29 марта был уже вынесен приговор народовольцам. Все шестеро обвиняемых были приговорены к повешению. В публике с возмущением говорили о выходке молодого философа В. С. Соловьёва, призвавшего в своей лекции помиловать цареубийц. Студенты в своем большинстве ему аплодировали. Однако были и те, кто желал расправиться со столь смелым философом. В любом случае Александр III не собирался следовать его совету.

3 апреля, в девятом часу утра, «по Литейному и Загородному тянутся две телеги. Впереди и сзади войска. Бьют барабаны. Следом – несметная толпа. На телегах привязанные спинами к лошадям сидят “цареубийцы”. Так написано мелом на досках, повешенных на груди каждого». Это были четыре мужчины, одна женщина (казнь Геси Гельфман была отложена ввиду ее беременности). «Семеновский плац. Виселица. Море голов. Веселое посвистывание снующих у Царскосельского вокзала паровозов». Осужденным завязывают руки за спиной, надевают черные мешки на голову. Дважды грузный Михайлов срывался с петли и с грохотом падал на помост. Пригодилась свободная веревка, предназначенная для Гельфман. Долго пришлось возиться с Рысаковым, который до последнего ждал помилования…

В начале апреля Лорис-Меликов чувствовал всю зыбкость своего положения. Он верил в свою силу, но ощущал все увеличивающуюся политическую мощь Победоносцева. «Беда в том, – говорил он, – что при чрезвычайной трудности нашего положения мы совещаемся в одно и то же время и с рара, и с

maman (он разумел, очевидно, государя, себя и Победоносцева) и поневоле слушаемся то того, то другого».

М. Т. Лорис-Меликов не сидел сложа руки. 12 апреля он подал императору всеподданнейший доклад, в котором излагалась целая программа реформ. Министр внутренних дел предлагал меры по повышению эффективности полиции, реорганизации местной администрации, расширению полномочий органов местного самоуправления, обеспечению режима гласности для периодической печати, преобразованию податной и паспортной систем. Во имя решения этих задач следовало обеспечить единство правительственных учреждений и привлечь представителей общественности к разработке государственных решений.

У Победоносцева была другая программа. Следовало прекратить сходки в университете, которые организовали худшие студенты и худшие профессора. Надо было упразднить «говорильню», где это было возможно. А главное: «хорошие люди есть всюду; одно требуется: чтоб они почувствовали, что их поддерживает крепкая власть и твердая мысль: тогда все они ободрятся, а дурные элементы ослабеют».

К 21 апреля Лорис и его «партия» готовили наступление. Их раздражали частые визиты Победоносцева к царю, постоянные записки, которыми обер-прокурор «забрасывал» государя. Чтобы это поскорее прекратить, следовало изменить порядок утверждения Высочайших решений. На рассмотрение императора можно было выносить лишь те проекты, которые получили одобрение большинства министров. Фактически речь шла о создании объединенного правительства. Изначально император отнесся к этой мысли вполне сочувственно и предложил создать для обсуждения этого вопроса особую комиссию. Первым на ее заседании выступил Победоносцев. Он говорил в привычном для себя «плаксивом тоне», жаловался на тотальную страсть к наживе, отсутствие элементарной дисциплины среди населения, повальное пьянство. Почти все присутствующие дружно оппонировали Победоносцеву, настаивая на необходимости единства управления. Среди выступавших был и Д. А. Милютин. Он доказывал, что важно довести реформы до конца. «В каком же это направлении? – спросил император. – Уж не имеете ли Вы в виду увенчание здания конституцией? Я никогда не слыхал, чтобы отец мой, приступая к реформам, задавался такой мыслью».

Победоносцев не возражал против мнения большинства коллег, а император принял решение, что проекты, выносимые на рассмотрение императора, должны были первоначально

изучаться на частном совещании министров (внутренних дел, финансов, военного, юстиции, народного просвещения, государственных имуществ, обер-прокурора Святейшего Синода, а в некоторых случаях и других руководителей ведомств).

Заседание закончилось через два с половиной часа. За это время настроение многих министров существенно изменилось. Д. А. Милютин был счастлив. И даже прослезился. Люди из круга Лорис-Меликова чувствовали себя триумфаторами. Они были уверены, что Победоносцев окончательно раздавлен. Поведение обер-прокурора Святейшего Синода только лишь это подчеркивало. Возвращаясь из Гатчины, Победоносцев подошел к Лорису, пожал ему руку, заявил, что жалеет о недоразумении, произошедшем 8 марта. Тогда он не боролся лично с ним, а просто высказывал свою точку зрения. Как сам писал обер-прокурор Святейшего Синода царю: «Обратное наше путешествие в вагоне было образцом непринужденного друг с другом обхождения, тогда как ехавши в Гатчину мы сидели по углам с угрюмым видом».

Вид на Гатчинский дворец под Санкт-Петербургом.

Вернувшись домой, Лорис-Меликов отсылал знакомым дамам записки о своей безусловной победе. Вскоре после заседания Лорис-Меликов и его близкие знакомые собрались вместе и с бокалом шампанского отпраздновали очевидный им успех. В тот вечер ими поднимался тост и за будущую конституцию. Вроде бы никто из посторонних этого не должен был слышать, кроме обслуживавших их лакеев, которые, правда, поспешили сообщить об этом заинтересованным лицам.

В обществе была уверенность: время Победоносцева

подходило к концу. Вскоре должно быть сформировано правительство Лорис-Меликова. Великий князь Константин Николаевич сожалел, что ему в силу разногласий с новым императором приходилось уходить, когда в правительстве воцарилось столь единодушное и симпатичное ему настроение. Эту «всеобщую» радость Победоносцев оценивал так: «21-го числа Лорис-Меликов и Абаза ехали с волнением и страхом, которому я не видел основания, а вернулись из Гатчины с великим торжеством, которому я тоже не вижу основания».

Все ликовавшие не вполне осознавали, в чем была подоплека событий. Они не представляли, что это Победоносцев решал, кого пригласить на совещание, а кого нет. По сведениям бывшего министра финансов С. А. Грейга, именно тогда, 21 апреля, император «прозрел»: он понял, что Лорис-Меликов и его сторонники прежде всего борются за власть, интригуют против Победоносцева. Вроде бы император и прежде с некоторым подозрением относился к министру внутренних дел, который часто приезжал в Гатчину не с серьезными докладами, а ради «достижения популярности». Теперь же недоверчивость переросла в глубокую неприязнь. Грейг был прав. Как раз 21 апреля Александр III писал Победоносцеву: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользе подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма. Более и более убеждаюсь, что добра от этих министров ждать я не могу. Дай Бог, чтобы я ошибался. Не искренни их слова, не правдой дышат».

Впрочем, о триумфе «партии» Лориса говорили столь уверенно, что и сам Победоносцев в него был готов поверить. Он жаловался императору на великого князя Владимира Александровича, который находился под влиянием министра внутренних дел и никогда не показывал Победоносцеву «искреннего отношения». 23 апреля обер-прокурор писал царю, что наступило время определенно заявить о своих намерениях, особенно тогда, когда в обществе все чаще поговаривали о представительном правлении. Он приводил примеры манифестов Николая I, 14 декабря 1825 г. и 13 июля 1826 г., то есть вскоре после подавления восстания декабристов и казни пятерых из них.

25 апреля Победоносцев продолжал настаивать на том же самом: надо поскорее издать манифест, о котором он неустанно думал уже два дня. 26 апреля обер-прокурор, наконец, выслал царю проект манифеста. В этом документе и должна заключаться вся программа царствования. Победоносцев надеялся, что проект будет подписан 29 апреля.

О внутренних делах России говорили и за рубежом. В начале мая 1881 г. граф П. А. Шувалов сообщал, что, проезжая несколько дней назад через Берлин, он встречался с объединителем Германии, канцлером Отто фон Бисмарком, который был крайне недоволен Лорис-Меликовым. Он просил передать Александру III, что не стоит заигрывать с общественным мнением. Это погубит Россию. «Нужно надеть на руку железную перчатку и просто-напросто зажать рот всем крикунам, мечтающим о конституции». Шувалов отказался выполнять это поручение, будучи скорее согласным с Лорисом, нежели с «железным канцлером». Бисмарка это возмутило. В действительности же опасения канцлера Германии были напрасными.

Вечером 27 апреля Е. А. Перетц получил записку от К. П. Победоносцева. Тот выражал сожаление, что не может быть на заседании Государственного совета, так как срочно вызван в Гатчину к императору. Перетцу было крайне интересно, что же Победоносцев мог обсуждать с царем. Желая удовлетворить свое разыгравшееся любопытство, 28 апреля Перетц зашел к Победоносцеву перед обедом. Обер-прокурор был, как всегда, внимателен и любезен, но что-то все же изменилось в нем. Появились «некоторая важность и чувство собственного значения».

Вечером 28 апреля на квартире Лорис-Меликова на Фонтанке собралось совещание министров, которое как раз было созвано неделю назад решением императора. В конце заседания министр юстиции сообщил собравшимся о готовящемся манифесте. Особенно возмущался министр финансов А. А. Абаза. Он громко кричал, что император должен взять манифест обратно, что царь нарушил «контракт», который заключил с «партией реформ». Лорис-Меликов остановил Абазу. Тот же не успокаивался и спрашивал, кто же писал манифест. Победоносцев был вынужден ответить, что он. Минута была драматическая. Победоносцев поспешил удалиться. С тех пор некоторые от него отворачивались, не подавали руки. А кто-то в шутку именовал «Бедоносцевым».

Впрочем, и он сам, и император Манифестом были довольны. На следующий день его узнала и вся Россия:

«Богу, в неисповедимых судьбах Его, благоугодно было

завершить славное Царствование Возлюбленного Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления. Повинуясь воле Провидения и Закону наследия Государственного, Мы приняли бремя сие в страшный час всенародной скорби и ужаса, пред Лицом Всевышнего Бога, веруя, что, предопределив Нам дело Власти в столь тяжкое и многотрудное время, Он не оставит нас Своею Всесильною помощью. Веруем также, что горячие молитвы благочестивого народа, во всем свете известного любовию и преданностью своим Государям, привлекут благословение Божие на Нас и на предлежащий Нам труд Правления…

К. П. Победоносцев. Художник В. А. Серов.

…Посреди великой Нашей скорби Глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело Правления в уповании на Божественный Промысл, с верою в силу и истину Самодержавной Власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений. Да ободрятся же пораженные смущением и ужасом сердца верных Наших подданных, всех любящих Отечество и преданных из рода в род Наследственной Царской Власти. Под сению Ее и в неразрывном с Нею союзе земля наша переживала не раз великие смуты и приходила в силу и в славу посреди тяжких испытаний и бедствий, с верою в Бога, устрояющего судьбы ее. Посвящая Себя

великому Нашему служению, Мы призываем всех верных подданных Наших служить Нам и Государству верой и правдой, к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, – к утверждению веры и нравственности, – к доброму воспитанию детей, – к истреблению неправды и хищения, – к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России Благодетелем ее, Возлюбленным Нашим Родителем».

Партия М. Т. Лорис-Меликова потерпела сокрушительное поражение. 29 апреля он послал императору прошение об отставке. На следующий же день Александр III ответил: «Любезный граф Михаил Тариелович, получил Ваше письмо сегодня рано утром. Признаюсь, я ожидал его, и оно меня не удивило. К сожалению, в последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах, и, конечно, это долго продолжаться не могло. Меня одно очень удивляет и поразило, что Ваше прошение совпало со днем объявления моего Манифеста России, и это обстоятельство наводит меня на весьма грустные и странные мысли. Так как Ваше здоровье действительно сильно расстроилось за последнее время, то понимаю вполне, что оставаться Вам трудно на этом тяжком посту. Итак, любезный граф Михаил Тариелович, мне остается только одно: поблагодарить Вас от души за то короткое время, которое мы провели вместе, и за все Ваши труды и заботы. Искренне благодарный Вам Александр».

Нужно быстрее издать указ, в котором бы говорилось об отставке этих видных министров прошлого царствования, торопил императора Победоносцев. «Не извольте обманываться. С 29 апреля эти люди – враги Ваши». По оценке обер-прокурора Святейшего Синода, они должны были делать все во вред царю. И Абаза, оставаясь даже две недели министром финансов, мог привести к падению курса российских ценных бумаг. Да и Д. А. Милютин был озлоблен до крайности. Победоносцев не сомневался, что вся Россия радовалась Манифесту, Москва ликовала, готовила благодарность Его Величеству. Лишь чиновничество раздражено и в унынии, констатировал обер-прокурор Святейшего Синода.

М. Т. Лорис-Меликов. Художник И. К. Айвазовский.

По мысли императора, публикация Манифеста должна была совпасть с его приездом в столицу. «Я долго об этом думал, – писал Александр III брату Владимиру Александровичу 27 апреля 1881 г., – но многие отсоветовали, и министры все обещали мне своими действиями заменить Манифест, но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между прочим шатание умов продолжается все более и более и многие ждут чего-нибудь необыкновенного, то я решил обратиться к К. П. Победоносцеву составить мне проект Манифеста, в котором бы высказано было ясно направление делам, [которое] желаю я дать, и что никогда не допущу ограждения самодержавной власти, которую нахожу нужной и полезной России». «Теперь мы можем вздохнуть свободно, – констатировал М. Н. Катков. – Конец малодушию, конец всякой смуте мнений! Перед этим непререкаемым, перед этим столь твердым, столь решительным словом монарха должна, наконец, поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова».

Н. П. Игнатьев.

Вместо Лорис-Меликова министром внутренних дел был назначен видный дипломат и государственный деятель граф Н. П. Игнатьев. Вскоре после своего назначения он подготовил Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, опубликованное в августе 1881 г. Этот документ заметно расширял полномочия местных властей в деле защиты правопорядка и проведения карательной политики. Теперь губернаторы могли без суда ссылать подозреваемых в революционной деятельности, закрывать газеты и учебные заведения. Главное же заключалось в том, что отныне политические преступления могли судиться особым порядком: без участия присяжных и публики, в военно-окружных судах, склонных решительно бороться с проявлениями «крамолы». В результате действия этого законодательного акта значительная часть страны оказалась на чрезвычайном положении. Хотя оно и было временным, но его действие неоднократно продлевалось (вплоть до свержения монархии в 1917 году).

Впрочем, Игнатьев, в сущности, продолжал курс Лорис-Меликова. Новому министру внутренних дел, как и его предшественнику, было ясно, что одни репрессивные меры не могут снять противоречия и разрешить конфликты последних лет. Нужны были коренные преобразования. И чиновничество, теперь уже в лице Игнатьева, вновь вернулось к идее политической реформы. Министр внутренних дел давно находился под влиянием славянофильских идей и мечтал о возрождении

подлинного самодержавия, чутко прислушивающегося к нуждам подданных. В этой связи он предложил учредить многолюдный законосовещательный Земский собор, который бы упрочил связь между царем и народом. По его мнению, это могло бы произойти во время коронации, в Москве, в Успенском соборе Кремля, где бы Александр III с амвона прочел манифест о созыве собора.

Эта инициатива вызвала крайнее (правда, вполне прогнозируемое) неприятие со стороны ближайших сотрудников императора, и прежде всего Победоносцева, который мобилизовал всю свою энергию и таланты, чтобы не допустить этой, по его мнению, опасной затеи. Пробыв всего год на своем посту, Игнатьев был смещен, на его место был назначен граф Д. А. Толстой. «Имя графа Толстого само по себе уже есть манифест, программа», – писал Катков. С этим легко было согласиться. В обществе ненавидели Толстого как бывшего министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода. Он прочно ассоциировался с реформой гимназии, где теперь все было подчинено изучению мертвых языков – латыни и греческого. По мысли Толстого, это многотрудное занятие должно было уберечь гимназистов от революционных идей. Лорис-Меликов считал увольнение Толстого с должности министра народного просвещения в 1880 г. одним из самых значимых достижений своего «правления». Узнав об этой отставке, даже малознакомые люди на улицах Петербурга приветствовали друг друга словами «Толстой смещен». Теперь же Толстой вознесся куда выше своего прежнего положения. Это предвещало новый политический курс.

Частная жизнь

Художник А. Н. Бенуа так вспоминал о своей встрече с императором Александром III в 1889 г.: «Меня поразила его “громоздкость” – как-никак величие. До тех пор мне очень не нравилось что-то “мужицкое”, что было в наружности государя, знакомой мне по его официальным портретам… И прямо безобразной казалась мне на этих портретах одежда (мундир) государя – особенно в сравнении с элегантным видом его отца и деда… Но вот в натуре обо всем этом забывалось, до того само лицо государя поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд его светлых (серых? голубых?) глаз. Проходя под тем местом, где я находился, он на секунду поднял голову, и я точно сейчас испытываю то, что я тогда почувствовал от встречи наших взоров. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление удара. Царский взгляд! Взгляд человека, стоящего выше всех, но который несет чудовищное бремя и который ежесекундно должен опасаться за свою жизнь и за жизнь своих близких! В последующие годы мне доводилось несколько раз быть вблизи императора, отвечать на задаваемые им вопросы, слышать его речь и шутки, и тогда я не испытывал ни малейшей робости. В более обыденной обстановке… Александр III мог быть и мил, и прост, и даже… “уютен”. Но в тот вечер в Мариинском театре впечатление от него было иное… странное и грозное».

При этом никто не подозревал наличия у императора большого ума и великих способностей. Даже симпатизировавшие ему лица отмечали весьма скромные дарования Александра III. Безмерно восхищавшийся царем государственный деятель (а в 1892–1903 гг. министр финансов) С. Ю. Витте вспоминал: «Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего, ниже средних способностей и ниже среднего образования». По мнению Витте, это нисколько не умаляло достоинств царя, у которого был великий «ум сердца». В чем-то схожую характеристику дал императору весьма информированный придворный, приближенный великого князя Константина Николаевича генерал А. А. Киреев: «Вообще у него нет не только того “лоска”, которым отличался его отец, нет и его знаний, может быть, и ума… и тем не менее, когда с ним разговариваешь, чувствуешь, что имеешь дело с силой, чувствуешь, что есть нечто серьезное, что нелегко поддается. Этого чувства я никогда не ощущал, разговаривая с покойным Александром II».

Многие отмечали непреклонность воли императора. По словам Витте, император был последний истинный самодержец. В этом утверждении заключалось известное преувеличение. Александр III часто сомневался, не был уверен в своих решениях. Он предпочитал полагаться на мнения ближайших сотрудников, которым привык доверять. Действительно, император мог быть весьма резок, говоря о том или ином человеке. Но высказать то же самое в лицо критикуемому чиновнику или общественному деятелю он порой не решался. Тот, кто знал эту характерную черту государя и желал сменить его гнев на милость, без особых опасений добивался личной аудиенции у царя, в ходе которой император обычно был в высшей степени обходителен и деликатен.

Государь был несуетлив, не любил ничего показного, не ценил театральных поз и высоких фраз. Он не выносил, когда его пытались поцеловать в руку. И в этом случае порывисто отдергивал ее. Александр III в отличие от отца обращался ко всем своим подданным на вы. Для Александра II и его братьев обращение на ты было своего рода милостью представителя царствующего дома. Александр II говорил «вы» только малознакомым лицам, к которым не испытывал симпатии. Сын же его отказался от этого обычая, демонстрируя таким образом свое уважение ко всем, к кому обращался. Единственное исключение он делал для графа И. И. Воронцова-Дашкова, с которым его связывали давние товарищеские отношения. И по отношению к прислуге император был подчеркнуто вежлив. Чинов свиты всегда называл по имени и отчеству, а не по фамилии, как это было заведено при дворе его отца. На встречах или же перед завтраком государь с женой обходили всех присутствующих и подавали всем руку. Этот обычай ушел с воцарением Николая II.

Иностранные биографы Александра III удивлялись, что император, в чьих жилах текла преимущественно немецкая кровь, испытывал неприязнь ко всему немецкому, подчеркивал свою «русскость», национальный характер своего царствования. В ближайшем его окружении говорили только по-русски. Император беседовал по-французски лишь с женой. Правда, делал это плохо, с сильным русским акцентом. Императрица же не стеснялась говорить по-русски с теми, кто не владел иностранными языками в должной мере. Видимо, по настоянию супруга со своими детьми она общалась только по-русски. На нем Мария Фёдоровна говорила с сильным акцентом, но при этом правильно и свободно.

Показательно, что Александр III больше всех прочих царей в XIX в. любил Москву. В этом он сильно отличался и от отца, и от

деда. Император часто мечтательно говорил о своем желании пожить в Москве, провести там хотя бы Страстную неделю, встретить Пасху. Но в данном случае этот не слишком реалистичный план не находил сочувствия со стороны супруги.

Из всех загородных резиденций царская семья предпочитала Гатчину. До Александра III здесь подолгу жил только Павел I. Лишь иногда тут бывал Николай I. Александр I не был ни разу, Александр II изредка приезжал сюда поохотиться. Гатчина была тихим и скучным столичным пригородом с заброшенной царской резиденцией. Петербургская аристократия не спешила покупать здесь дачи даже после того, как здесь обосновался император. Помимо этого, Александр III, облюбовав Гатчину, поступил вопреки суевериям: несчастная судьба Павла I его не смутила.

Тихая жизнь за городом чередовалась с вынужденными торжественными выходами и балами. У самодержавия был свой парадный фасад, неизменно производивший сильное впечатление на любого стороннего наблюдателя. Миссис Лотроп, жена чрезвычайного посланника США в России, свое письмо от 6 февраля 1886 г. посвятила придворному балу в Зимнем дворце. На нем присутствовало 2400 гостей. Из них около 2000 сели ужинать. «Пройдя анфиладу роскошных залов, мы вошли в бальный зал, в одном из углов которого было место, предназначенное для дипломатического корпуса. Это длинный зал, украшенный прекрасными растениями и освещенный электричеством. Лампы накаливания были только что введены в употребление и подключены к огромным люстрам, призмы которых сверкали подобно бриллиантам. Свет был очень ровным и подобающим обстановке, присутствующие не выглядели мертвенно-бледными. Напротив нас за проходом располагались первые дамы русской империи. Они, конечно, были прекрасно одеты и все в великолепных драгоценностях, что делало эту группу чрезвычайно блестящей. Офицеры, сановники и дипломаты – все, кроме нас, были в форме. Мундиры весьма красивые, не гнущиеся от золотого шитья, и все, как помню, украшенные орденами, иные были покрыты ими – широкими лентами и орденскими знаками». Все поджидали императора. Открылись огромные двери, и в зал вошли высшие сановники страны, а затем и сам император с императрицей в окружении наследника престола, великокняжеской семьи, пажей. Зазвучал полонез из «Жизни за царя». Процессия сделала тур по залу. Затем начались танцы. Император вальсировал с женой британского посла, а затем прогуливался по залу, обмениваясь репликами с гостями. Это был «высокий мужчина, величественный и властный. Не похоже, чтобы он был опечален,

испуган или подавлен заботами и величием своего положения».

Александр III играл определенную роль, завещанную ему отцом, в действительности испытывая раздражение от приемов, балов и помпезных залов. Император неизменно для жизни выбирал низкие, маленькие комнаты на верхних этажах здания, часто предпочитая антресоли. Их он облюбовал и в Аничковом, и в Зимнем, и в Гатчинском дворце. В больших залах устраивались лишь приемы. Однако они случались нечасто. Александр III предпочитал уединение, что, правда, можно оценивать по-разному. По словам А. Н. Бенуа, «Александра III заела склонность к семейному уюту, к буржуазному образу жизни». В отличие от отца у императора не было коллекции мундиров. Дома он ходил в тужурке. Одежду обычно донашивал до дыр. Александр III любил физическую работу: с удовольствием пилил дрова, разгребал снег, занимался греблей в Гатчинском пруду.

Император был весьма умерен в еде. Любил простую пищу: например, поросенка под хреном, соленые огурцы. Вопреки распространившимся слухам не слишком злоупотреблял выпивкой. Вино пил сравнительно редко. Из всех вин отдавал предпочтение мадере. За столом чаще всего пил квас. Иногда смешивал его с шампанским. Много пил ледяную воду, постоянно жалуясь на мучившую его жажду.

Александр III был весьма экономен, следил за расходами двора. Как-то беседуя с К. П. Победоносцевым, император очень удивлялся, что гости «уничтожили» слишком много фруктов во время приема. Получалось, что один человек съел сразу несколько фруктов. Александру III это казалось неправдоподобным. Победоносцев поспешил успокоить государя. Он сам съел один апельсин, один взял с собой и еще прихватил грушу для приемной дочери. Так многие делали, привозя домой «царские гостинцы». Это объяснение вполне удовлетворило императора, который уже начал подозревать своих сотрудников в необоснованных растратах.

Александр III пытался сэкономить и на своей постоянно расширявшейся «фамилии». Расходы на нее должны были существенно расти, что никак не могло устроить государя. В том числе и в этой связи было принято решение изменить Учреждение об императорской фамилии, утвержденное еще Павлом I в 1797 г. Теперь правнуки императора становились не великими князьями, а князьями императорской крови. Соответственно, государственная казна существенно экономила на их содержании.

Александр III на охоте. Художник М. Зичи.

В отличие от большинства Романовых император не любил военные смотры, скучал на маневрах. По выражению придворного врача Н. А. Вельяминова, его мало занимали «игры в солдатики». Александр III не был мастером верховой езды, что некоторые ставили ему в вину. Более того, он даже страшился лошадей. Впрочем, царю с его могучим телосложением трудно было подобрать достойного коня. Зато его большой интерес вызывало вооружение и довольство солдат. В годы царствования Александра III солдатский мундир стал более дешевым и удобным. Теперь он более походил на традиционный русский костюм: поддевку с широкими панталонами и высокими сапогами. В армии на эполетах и погонах появился вензель имени императора, исполненный славянской вязью. На воинские знамена вернулся Лик Спасителя, а на древки – восьмиконечный крест. И все же важнее было то, что в годы правления Александра III прошло перевооружение армии. Она была оснащена новым стрелковым оружием, полевой и крепостной артиллерией. В 1891 г. был утвержден образец трехлинейной винтовки С. И. Мосина, которая стала внедряться в армию. При обучении же солдат теперь наибольшее внимание уделялось стрельбе, а не строевой выучке. Император очень любил море и интересовался проблемами военного флота. Неслучайно при нем была разработана масштабная программа судостроения на 1882–1900

гг. За время царствования Александра III было спущено на воду 114 боевых кораблей, в том числе 17 броненосцев, 10 крейсеров, 14 канонерских лодок.

Император не любил и балы. Терпел их только ради супруги. Светским вечерам он предпочитал охоту и рыбалку. Больше всего любил охотиться в польской Спале и Беловежской пуще, прежде всего на оленей, а также на медведей, волков, лисиц… При этом он не был настоящим охотником. Порой пропускал зверя, не стрелял в него, а лишь любовался пробегавшим оленем. Александр III был нетерпим к тем случаям, когда его товарищи по охоте били молодых зверей, а тем более маток.

Охотясь в Спале, недалеко от Варшавы, Александр III немало времени проводил в Польше, чувствуя там себя как дома. Он с уважением относился к местному населению, приглашал к себе соседей-поляков, охотился с ними. Частым его гостем был местный ксендз, который был метким стрелком и знатоком охоты. Примечательно, что в частных беседах с соседями Александр III признавал справедливость многих польских обид, но не считал возможным жертвовать тем, что считал национальными интересами самой России.

Царь любил и рыбалку, в особенности в финских шхерах. В своем дневнике он вел детальные подсчеты, сколько им было поймано щук, окуней, плотвы, язей, налимов и др. Именно за удочкой застал Александра III министр императорского двора: «Ваше Величество, в Европе может разразиться война». Ответ получил большую известность: «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать». Но и в дни охоты и рыбалки к императору непременно приезжал фельдъегерь с бумагами, над которыми приходилось сидеть до поздней ночи.

Царь за работой

Александр III весьма ответственно относился к своим обязанностям. Управляющий делами Императорской главной квартиры О. Б. Рихтер говорил: «За много лет, что я управляю комиссией прошений на Высочайшее имя… я не помню случая, чтобы посланный мною государю с вечера портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами». Обычно весь день императора уходил на встречи и приемы. Александр III работал с бумагами преимущественно ночью. Ему приходилось знакомиться с отчетами министров, главноуправляющих, губернаторов, генерал-губернаторов, командующих войсками и др. Император подписывал около 40 тысяч бумаг в год.

Обычно Александр III уходил к себе в кабинет около 9 часов вечера. По настоянию императрицы он дал слово работать «лишь» до 3 часов ночи. В это время камердинер должен был докладывать царю, что следовало заканчивать работать. Если же царь не обращал на это внимания, камердинер докладывал вторично. В третий же раз он просто тушил свет, несмотря на все протесты государя. Вставать же императору приходилось рано: ведь доклады министров нередко начинались уже в 9 часов утра. При этом, выслушивая министров, император не любил принимать решений в ходе личных аудиенций. Обычно он оставлял у себя министерские бумаги и работал с ними ночью.

Рабочий кабинет императора Александра III в Гатчинском дворце.

Есть много свидетельств тому, что Александр III весьма добросовестно читал поступавшие на его имя бумаги. Так, С. Н. Дурново, брат министра внутренних дел и председателя Комитета министров, рассказывал, что «на бумаге Синода с благословением на предстоящее императору путешествие положил резолюцию: “Не нуждаюсь”. Святые отцы решили, что государь подмахнул это слово ошибочно взамен другой бумаги, и через Победоносцева подложили новую бумагу, переписав первую. Ждали появления ее… уже с известным интересом. С ужасом читают новую резолюцию: “Сказал: не нуждаюсь”. Все взволновались. Тем временем император уехал в Данию. По возвращении оттуда принимал с докладом Победоносцева. Тот с большой осторожностью приступает к выяснению этого вопроса, намекая на горе членов Синода, вызвавших неблаговоление монарха. “А вы, Константин Петрович, читали эту синодскую бумагу?” – спросил император. “Как же, Ваше Величество”. – “Ну я вижу, вы ее или плохо, или совсем не читали. Вот там вместо архипастырского благословения было написано “архитектурное благословение”. Я и написал, что не нуждаюсь”».

В 1880-х гг. право личного доклада было тем более ценным, что новый государь принимал министров реже, нежели его отец. По словам П. А. Валуева, Александр III как будто бы сторонился своих ближайших сотрудников. «Доклады сокращены у него до крайних пределов, так что даже военный министр ограничивается

одним докладом в неделю». Император тщетно пытался свести к минимуму и работу с бумагами. Великую тайну составлял тот факт, что государственный секретарь регулярно подготавливал краткие записки для Александра III, в которых излагалась суть представлявшихся меморий Государственного совета. С этой же целью император запретил Министерству иностранных дел «посылать… бумаги, касающиеся мелких государств, как, например, Испании и Португалии».

И все же Александр III чувствовал, что не справляется с «потоком» дел, которые шли через него. В итоге он попросил графа И. И. Воронцова-Дашкова, О. Б. Рихтера и дежурного генерала при императоре П. А. Черевина помогать ему разбираться в министерских докладах. Это все были люди, лично преданные царю, но не обладавшие серьезными знаниями и большими способностями. Нередко они честно признавались, что не справляются с поручением и не могут должным образом оценить ту или иную записку. «И вы меня покидаете», – упрекал их император.

Несмотря на все свои усилия, царь чувствовал свою полную зависимость от докладывавших те или иные вопросы министров. Тем не менее император доверял своим сотрудникам. Не любил злословия и интриг. Всякий стремившийся уронить доверие Александра III к своему коллеге падал в глазах императора.

Российское самодержавие

Российское самодержавие следовало стародавним традициям. Александр III, как и его предки, венчался на царство в Московском Кремле 15 мая 1883 г. Когда куранты пробили девять, императорская чета вышла на Красное крыльцо. Александр III и Мария Фёдоровна трижды поклонились многотысячной толпе, собравшейся на Соборной площади. Раздалось оглушительное «ура». Процессия двинулась в сторону Успенского собора. Над императором и императрицей держали золотой балдахин. Сановники несли регалии царской власти: корону, скипетр, державу, государственное знамя, щит и меч. Рядом шли гренадеры в форме 1812 года. Раздался удар большого колокола с колокольни Ивана Великого. Его подхватили все московские храмы. Начался бесконечный перезвон. Хор в пятьсот человек пропел гимн «Боже, царя храни». У дверей храма Александра III встречали митрополиты и архиепископы. Началась долгая церковная служба. И наконец, один из митрополитов снял с красной подушки корону и передал ее императору, который, в свою очередь, надел ее себе на голову. А затем взял вторую корону и надел ее на голову коленопреклоненной супруге. После этого царь подошел к иконостасу, взял чашу из рук митрополита и принял причастие. Ведь будучи главой церкви, император причащался сам. Вновь зазвонили колокола, раздался пушечный салют. Коронация закончилась. Начался праздник, который продолжался три дня. Он вместил в себя балы, банкеты, раздачу подарков народным массам. 26 мая, как раз в ходе коронационных торжеств, был освящен храм Христа Спасителя в Москве, сооруженный в честь победы России в войне 1812 г. Это положило конец многолетнему строительству, начатому еще в 1839 г. А в 1912 г., спустя почти 20 лет после смерти Александра III, ему был открыт памятник как раз там, рядом с храмом Христа Спасителя.

Казалось, царская власть незыблема. Однако не было сомнений, что самодержавие конца XIX века отличалось от самодержавия прежних веков. Усложнившийся механизм государственного аппарата исключал ситуацию, когда все решения исходили от одного человека. Император все более зависел от бюрократии, которая должна была обладать необходимыми знаниями и умениями.

В обществе господствовало убеждение, что политический курс с этого времени определялся «триумвиратом»: Победоносцевым, Толстым и издателем газеты «Московские

ведомости» Катковым. Действительно, ими был инициирован ряд мер, направленных на корректировку законодательства эпохи Великих реформ: в сфере местного самоуправления, образования, судопроизводства.

И все же «как это было мало похоже на правду! – вспоминал Е. М. Феоктистов (в 1883–1896 гг. начальник Главного управления по делам печати). – Мнимый союз трех названных лиц напоминал басню о лебеде, щуке и раке. Относительно основных принципов они были более или менее согласны между собой, но из этого не следует, чтобы они могли действовать сообща. М. Н. Катков кипятился, выходил из себя, доказывал, что недостаточно отказаться от вредных экспериментов и обуздать партию, которой хотелось бы изменить весь политический строй России, что необходимо проявить энергию, не сидеть сложа руки; он был непримиримым врагом застоя, и ум его неустанно работал над вопросом, каким образом можно было бы вывести Россию на благотворный путь развития. Граф Толстой недоумевал, с чего же начать, как повести дело; он был бы и рад совершить что-нибудь в добром направлении, но это что-нибудь представлялось ему в весьма неясных очертаниях; что касается Победоносцева, то, оставаясь верным самому себе, он только вздыхал, сетовал и поднимал руки к небу (любимый его жест). Неудивительно, что колесница под управлением таких возниц подвигалась очень туго». В этом оркестре не было «первой скрипки». Впрочем, и сам «оркестр» не слишком подходил для этого названия: между «музыкантами» согласия не было. Все это позволяло утверждать П. А. Валуеву, что во времена Александра III в России фактически не было правительства, о котором можно было говорить в предыдущее царствование – в период господства, например, М. Т. Лорис-Меликова.

«Триумвиры» единого политического курса не представляли и, более того, нередко препятствовали реализации законодательных инициатив друг друга. Так, Победоносцев, как будто бы вопреки собственным запискам, воспротивился коренной ломке судебных учреждений, которую требовал Катков. Обер-прокурор Святейшего Синода противодействовал утверждению проекта университетского устава в катковской редакции. В итоге Катков относился к Победоносцеву крайне критически, имея на это все основания. Без всякой симпатии отзывался о Победоносцеве и граф Д. А. Толстой. Причиной тому был известный факт, что обер-прокурор подверг ревизии важнейшие мероприятия в сфере духовного образования, реализованные Толстым в бытность его главой Синода. Несогласованность действий, взаимная вражда и, как следствие,

отсутствие ожидавшихся результатов давали повод консервативной части бюрократии упрекать себя в бездеятельности, неспособности предпринять решительные шаги, на которые всегда были готовы представители «либеральной партии». Встречая недоброжелательство со всех сторон, как будто бы всесильный Победоносцев старался избегать общения, реже появлялся на публике, постепенно уходил от дел. В феврале 1886 г. Е. М. Феоктистов писал: «Он еще более съежился, замкнулся в свою скорлупу и доводит это даже до непонятной крайности… Он ни единого раза не был ни в Государственном совете, ни в Комитете министров».

При этом руководитель ведомства чрезвычайно зависел от своих ближайших сотрудников, которые непосредственно вели канцелярскую работу. Так, Д. А. Толстой не вникал в подготовку даже важнейших законопроектов (например, об учреждении земских начальников). Во многом это было обусловлено масштабами министерского делопроизводства, обрекавшего руководителя ведомства на бесконечную бумажную работу. Д. А. Толстой любил хвастаться, что читал все бумаги, приходившие из 12 департаментов его министерства. Только на это у него уходило 4 часа в день.

Столь сложно устроенная бюрократическая машина нуждалась в механизмах согласования решений. В противном случае и так мало упорядоченная система обратилась бы в хаос. Это способствовало прочности положения бюрократических коллегий, прежде всего Государственного совета. И все же в восприятии императора это высшее законосовещательное учреждение Российской империи служило оплотом противников господствовавшего направления, поддерживаемого самим царем. Ведь там задавали тон очевидные оппоненты правительственного курса – ближайшие сподвижники Александра II. Их «могущество» вызывало возмущение и Победоносцева, и Толстого, и Каткова. Впрочем, имела место и альтернативная точка зрения тех, кто был недоволен попытками умалить значение Государственного совета.

Общее собрание Государственного совета – лишь вершина айсберга. Были еще его департаменты с могущественными статс-секретарями. Была и Государственная канцелярия, которая определяла ритм законотворческого процесса. Нередко она существенно задерживала прохождение законодательных инициатив. Так, проект нового университетского устава более полугода пролежал в Государственной канцелярии.

Ее «диктатура» вызывала у многих резкое раздражение. Александр III в январе 1882 г. так определил свое отношение к

работе этого учреждения: «Я сидел в Государственном совете, будучи великим князем, и уже тогда меня коробило от направления, которое получали дела благодаря стараниям Государственной канцелярии». Император подозревал ее чиновников в либеральном направлении. Порой ставился вопрос: откуда газетчикам становилось известным все происходившее на заседаниях Государственного совета. Опять же подозревали «неблагонадежных» чиновников канцелярии.

Канцелярские средства борьбы были тем более значимы, что прямое политическое столкновение представителей бюрократии было едва ли возможно. Характерно, что последовательный защитник судебных уставов 1864 г. министр юстиции Д. Н. Набоков так о них публично отзывался: «В основе судебных учреждений лежит фальшь. Но разве я этого не сознаю? Разве судебные учреждения созданы мною? Разве я допустил бы суд присяжных?» Но при этом судебную систему, основанную на фальши, по словам Набокова, не следовало трогать, дабы не расшатывать и так зыбкие основы правопорядка. Иная аргументация в 1880-е гг. со стороны министра юстиции была бы немыслимой.

Политический курс

Наиболее влиятельные министры царствования Александра III видели своей целью ревизию всего сделанного в годы Великих реформ, исправление многих ошибок этого времени и, наконец, установление прочного порядка, базирующегося на исторических основах русской жизни.

Особое внимание было уделено системе образования, так как властям казалось, что гимназии и университеты были рассадниками революционных идей в России. В 1884 г. был опубликован новый университетский устав, вновь отменивший автономию высших учебных заведений. Все кандидатуры преподавателей должны были строго согласовываться с попечителями учебных округов и чиновниками Министерства народного просвещения. Ректор университета, деканы, профессора теперь не избирались, а назначались. Полномочия университетского начальства стали весьма ограниченны. Для поступления в университет от студентов требовалось представить справку о политической благонадежности. Плата за обучение существенно увеличилась, было введено обязательное ношение формы студентами. «Вдохновил» правительство на издание нового устава М. Н. Катков. По его мнению, основной целью университетской реформы было введение государственного экзамена, который у студентов принимали бы не преподававшие у них профессора, а представители других учебных заведений. Это обеспечило бы контроль над учебным процессом. В итоге профессура перестала бы внушать студентам оппозиционные идеи, обращая их в свою веру. Этот план не вполне удался. Примечательно, что против него выступил К. П. Победоносцев, который долго профессорствовал в Москве и хорошо знал университетскую жизнь. Государственный экзамен был действительно учрежден. Председательствовал в экзаменационной комиссии приглашенный из другого университета профессор. Однако все остальные ее члены – преподаватели того учебного заведения, в котором студент и проходил испытание.

Новый университетский устав не привел к успокоению учащихся. На царствования Александра III пришлись заметные студенческие волнения: и в 1887 г., и в 1889 г., и в 1890 г., и в 1891 г. Только за участия в волнениях 1887 г. из Московского университета было исключено 97 человек.

В 1887 г. министром народного просвещения И. Д. Деляновым был издан нашумевший циркуляр о «кухаркиных

детях», который рекомендовал директорам гимназий не принимать в учебные заведения детей кучеров, лакеев, прачек, лавочников и т. д., за исключением наиболее одаренных из них. По мнению Делянова, гимназисты, вышедшие из этой среды, неблагоприятно воздействовали на своих одноклассников. Надо подчеркнуть, что это был скорее совет, нежели директива руководству учебных заведений, которые далеко не всегда ему следовали.

Сильное неприятие у ближайших сотрудников Александра III вызывали земские учреждения, не подчинявшиеся губернатору и вместе с тем обладавшие властными полномочиями. Нередко они вступали в конфликт с местной администрацией и далеко не всегда справлялись с возложенными на них обязанностями. На всеподданнейшем отчете олонецкого губернатора за 1887 г. против того параграфа, где говорилось, что земство «строго держится закона и в действиях своих постоянно идет рука об руку с администрацией», Александр III поставил помету: «Утешительное исключение». По мысли К. П. Победоносцева, следовало «изменить нынешний характер земских учреждений, безответственных, отрешенных от центральной администрации и предоставленных всем случайностям выбора».

В Министерстве внутренних дел подготовили проект, предполагавший включение земств в состав губернской администрации. Он встретил жесткую оппозицию в Государственном совете. Д. А. Толстому пришлось отступить. Тем не менее система местного самоуправления была существенно реформирована. Отредактированный проект земской реформы внес новый министр внутренних дел И. Н. Дурново (Толстой в 1889 г. скончался). В 1890 г. было введено новое Земское положение, утверждавшее фактически сословный принцип выборов в земские органы. Вводилось отдельное представительство от дворянства, чего не было в Положении 1864 г. Крестьянство выбирало только кандидатов в гласные, которых утверждал в должности губернатор. Их численность в земских собраниях существенно сократилась. Губернатор теперь мог в значительно большей мере контролировать деятельность земств: отменять их решения, утверждать в должности руководителей органов местного самоуправления. Это преобразование не принесло ожидавшихся результатов. Новое земство стало даже оппозиционнее по отношению к действующей власти. Поместное дворянство, теперь доминировавшее в земских собраниях, не могло быть надежным партнером для правительства. Оно было слишком обижено на петербургскую бюрократию, не очень-то считавшуюся с его интересами еще в ходе крестьянской реформы

1861 г. К тому же жесткие правовые рамки, установленные для земства, провоцировали новые конфликты органов местного самоуправления с губернской администрацией.

Схожие меры были предприняты и в области городского самоуправления (1892 г.). Так, был повышен избирательный ценз, и главы городских управ теперь утверждались правительством. Лишь немногие (около одного процента горожан) могли участвовать в выборах органов городского самоуправления, что, правда, повысило их эффективность. Губернаторы же получили дополнительные возможности контролировать городское руководство.

Россия и в конце XIX в. оставалась страной, в которой критически не хватало чиновников. Один чиновник приходился на 270 человек, в Англии – на 137, в США – на 88, в Германии – на 79, во Франции – на 57. При этом значительная часть бюрократии пребывала в столицах или по крайней мере в губернских городах. Государственную власть на уровне уезда представляли избираемый местным дворянским собранием предводитель дворянства и назначаемый губернатором уездный исправник, исполнявший полицейские обязанности. Волостью же управляло избираемое крестьянами волостное собрание. Таким образом, в деревне не было постоянного представителя центрального правительства, который бы следил за порядком на местах, в том числе и среди бывших крепостных. Многие помещики видели именно в этом причину все учащавшихся случаев хулиганства среди крестьян. Для решения этой проблемы в 1889 г. вместо мировых посредников и мировых судей появилась должность земских начальников, которые не выбирались, а назначались напрямую министром внутренних дел (по представлению губернатора и губернского предводителя дворянства). Они получили значительные полномочия по вмешательству в работу волостных крестьянских сходов, в частности, могли влиять на выборный процесс. Они судили крестьян, приговаривали их к аресту и штрафам. В их руках сосредотачивалась административная и судебная власть. Это было одно из немногих преобразований правительства Александра III, которое было реализовано так, как изначально задумывалось.

Граф Д. А. Толстой. Художник И. Н. Крамской.

Судебная система, пожалуй, любимое детище предыдущего царствования, вызывала неприятие и императора, и многих его ближайших сотрудников. По их мнению, новый суд не соответствовал российским реалиям и дискредитировал правительство в глазах населения. К. П. Победоносцев доказывал царю, что несменяемость судей приводила к злоупотреблению ими своими полномочиями. Они небрежно относились к своим обязанностям, чувствуя свою полную безнаказанность. По мысли обер-прокурора Святейшего Синода, существование суда присяжных свидетельствовало о торжестве дилетантизма в суде. Темные обыватели не были способны выносить компетентные решения. Они полностью зависели от красноречивых адвокатов, поставивших суд на службу своему корыстолюбию. Вдобавок ко всему гласность судопроизводства превращала его в своего рода представление, на которое собирались женщины и дети. В ходе такого спектакля сложно было установить истину. Победоносцев считал, что этот суд нуждался в коренной перестройке. По словам князя В. П. Мещерского, «Вся Россия горьким 20-летним опытом дознала, что суд присяжных – это безобразие и мерзость, что гласность суда есть яд, что несменяемость судей есть абсурд и т. д.». Но у суда были не только противники, но и защитники. Прежде всего это было Министерство юстиции, которое всячески препятствовало всем попыткам провести существенные

преобразования в этой сфере.

Эта тактика принесла свои плоды. Судебные уставы 1864 г. в основе своей уцелели. Суд в большинстве случаев оставался гласным, дела разбирались при участии адвокатов и присяжных заседателей. И все же некоторые судебные преобразования были проведены в царствование Александра III. Так, в 1885 г. было образовано Высшее дисциплинарное присутствие, которое получило право сменять судей. В соответствии с Положением о мерах к охранению государственного порядка суд мог объявляться закрытым, из ведения суда присяжных были изъяты дела по политическим преступлениям. В 1889 г. был повышен имущественный ценз для присяжных заседателей.

Ужесточилась политика в отношении печати. В 1880-е гг. стала строже цензура. Были закрыты многие печатные органы: «Голос», «Молва», «Страна», «Отечественные записки» и др. Всего за годы царствования Александра III было закрыто 15 газет и журналов, запрещено 72 книги (в том числе произведения В. А. Гиляровского, В. Гюго, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и др.). Упростился сам порядок прекращения издания газет и журналов. Теперь для этого достаточно было решения четырех министров (внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода). Цензуре подлежали библиотечные собрания, откуда изымались книги, содержание которых могло поколебать верноподданнические чувства в стране.

И. Д. Делянов.

В научной литературе правительственные мероприятия этого времени зачастую относят к так называемым контрреформам. Это подразумевает, что проводившиеся преобразования имели целью повернуть жизнь вспять, отказаться от многого, сделанного в прежнее царствование. В пользу этой точки зрения есть много аргументов. И министры, и сам император весьма критически оценивали опыт преобразований Александра II. Показательно, что 19 февраля 1886 г. правительство нарочито проигнорировало 25-летний юбилей со дня издания Манифеста, упразднявшего крепостное право в России.

Прежние «либеральные тенденции» не были симпатичны государю. Многие реалии западноевропейской жизни вызывали у него нескрываемое отвращение. В 1893 г. посол в Германии граф П. А. Шувалов доносил: «Полное отсутствие религии даже в низших слоях народа… распущенность печати, потребность роскоши и материальных наслаждений без удержу нравственных начал, все более и более растущий класс полуобразованного пролетариата, совокупность этих и многих иных явлений западноевропейской жизни, смею полагать, берет перевес над чисто экономическими причинами в столь быстром развитии современного социализма». Александр III подчеркнул эти слова и на полях отметил: «И эту мерзость и заразу желали привить России наши господа либералы и космополиты».

И все же многие министерские задумки эпохи Александра III так и не были реализованы. Многие преобразования были контрреформами лишь в проектах. На практике они в большинстве своем осуществлялись лишь отчасти и нередко способствовали «примирению» реформ Александра II с реалиями российской действительности, в сущности, стали корректировкой мероприятий прежнего царствования.

Это происходило в том числе и потому, что для политики Александра III был характерен один существенный порок. За ней не проглядывалось четкого понимания стратегии развития страны. Ее не мог предложить император. Ее никогда бы не выдвинуло правительство, так как объединенного кабинета в России не существовало. Министры действовали разрозненно, имея возможность лишь реагировать на быстро менявшуюся конъюнктуру. О. Б. Рихтер так объяснил эту ситуацию самому императору: «Я много думал об этом и представляю себе теперешнюю Россию в виде колоссального котла, в котором происходит брожение. Кругом котла ходят люди с молотками, и когда в стенах котла образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают. Но когда-нибудь газы вырвут такой кусок, что

заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся…» В ответ на это император только застонал.

Экономика

Александр III был ценителем русской старины. Консервативная мысль высоко подняла голову в годы его правления. И все же именно тогда в российской экономике произошли удивительные метаморфозы, до неузнаваемости изменившие образ страны. Отчасти в этом сказались результаты прежних реформ, отчасти это было предопределено тем, что в это время во главе Министерства финансов стояли неординарные личности. В 1881 г. ведомство возглавил известный ученый-экономист Н. Х. Бунге. Он стремился проводить социально ориентированную политику, нацеленную на защиту наиболее нуждавшихся. По мысли министра финансов, сила самодержавия как раз заключалась в том, что царь, не представлявший интересы какого-то отдельного сословия или класса, мог принимать решения в пользу бедных и слабых.

Бунге стремился сделать налоговую нагрузку более справедливой. В 1881 г. все бывшие крепостные крестьяне были переведены на обязательный выкуп, размер которого был снижен. В последующие годы был постепенно упразднен основной прямой налог – подушная подать. Вместо него были введены налоги, которые преимущественно ложились на наиболее состоятельные слои населения. Так, был повышен государственный поземельный налог и налог на городскую недвижимость, установлен налог на наследство и заграничные паспорта. Правда, при Бунге были еще повышены налоги на табак, сахар, спирт, которые преимущественно платили наименее обеспеченные подданные императора.

Важнейший механизм социально-экономической политики – кредитование населения. Для поддержки крестьян, желающих расширить свои земельные владения, был создан Крестьянский банк, об образовании которого задумались еще в годы министерства М. Т. Лорис-Меликова. Учреждение банка вызвало раздражение многих консерваторов. Победоносцев «желал бы потопить крестьянский поземельный банк», так как это была «трата государственных денег и внесение в народное сознание начал развращающих». За годы правления Александра III при поддержке банка крестьянам было продано около 5 млн десятин. Однако для приобретения земли существовало слишком много ограничений, и поэтому возможностью получить предлагаемые ссуды воспользовались далеко не все желающие. С другой стороны, многие консервативно мыслящие чиновники пытались приостановить продолжавшийся процесс разорения помещиков,

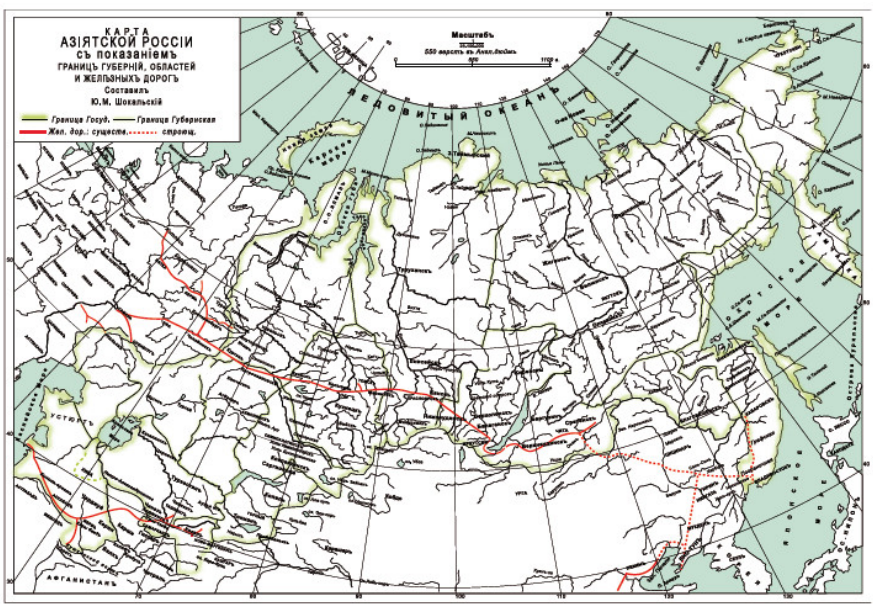
для чего был создан Дворянский банк (этому безуспешно пытался помешать Бунге).

Карта железных, шоссейных и внутренних водных сообщений в России на 1893 г.

В 1880-е гг. была сделана попытка разрешить рабочий вопрос. Тогда было введено в России первое рабочее законодательство, регулировавшее отношения между работниками и работодателями. В соответствии с ним был запрещен труд детей младше 12 лет. Подростки не могли работать более 8 часов. Запрещался ночной труд женщин и подростков на текстильном производстве. Ограничивался размер штрафов, которые

заводчики могли налагать на своих работников. Следить за соблюдением всех этих законов должна была создаваемая фабричная инспекция.

Эти меры имели большое социальное значение. Однако они не могли решить проблему нехватки денег в казне. Это в итоге и привело к отставке Бунге, против которого давно плелась интрига. В центре нее был М. Н. Катков. Во многом благодаря его усилиям в 1887 г. Министерство финансов возглавил выдающийся математик, инженер и предприниматель И. А. Вышнеградский. Его политика была направлена на увеличение роли государства в экономике, расширение экспорта и ограничение импорта. Он настоял на выкупе государством частных железных дорог, способствовал казенному финансированию промышленных предприятий. Важнейшей своей целью Вышнеградский считал ограничение государственных расходов и в этой связи стабилизацию курса рубля. По этой причине он свернул многие социальные программы, проводившиеся Бунге, увеличил налоговое бремя, которое легло на плечи прежде всего крестьянства.



Строительство железных дорог в Азиатской части Российской империи.

Политика Вышнеградского в значительной мере была продолжена его преемником – С. Ю. Витте, заступившим на должность министра финансов в конце 1892 г. Он выступал за государственный контроль над экономической жизнью,

национализацию железных дорог, существенную материальную поддержку тяжелой промышленности. Для проведения этих мероприятий требовались деньги, которых России, как обычно, не хватало. По этой причине Витте настаивал на экономии государственных средств, прежде всего сведя к минимуму поддержку деревни – крестьян и помещиков. Кроме того, следовало проводить жесткую протекционистскую политику, сторонниками которой были и Вышнеградский, и Витте. В 1892 г. были установлены высокие ввозные пошлины на импортные товары. Эта мера должна была защитить отечественного промышленника. В ответ на это Германия приняла аналогичные меры в отношении российской сельскохозяйственной продукции. Началась бескомпромиссная таможенная война, в которой Россия отстояла интересы своего производителя.

Н. Х. Бунге. Художник И. А. Тюрин.

В 1894 г. были приняты меры по введению в России винной монополии, устанавливавшей контроль за продажей алкогольной продукции. Частные лица могли лишь производить крепкие спиртные напитки, продавать же имело право лишь государство. Впоследствии эта мера приносила значительные доходы российскому бюджету.

С. Ю. Витте.

Эти преобразования в значительной мере обусловили удивительные темпы экономического (прежде всего промышленного) роста России, в которой за считанные годы складывались новые отрасли хозяйства. За время правления Александра III российский государственный бюджет увеличился практически в девять раз. Золотой запас – более чем в два раза. Частные вклады в государственные сберегательные кассы – в 33 раза. Формировались новые промышленные регионы. Санкт-Петербург, Москва, Урал, Прибалтийские губернии уже давно

были известны высокой концентрацией индустрии. К концу XIX в. к ним присоединились новые центры отечественного промышленного производства: Юзовка (ныне Донецк), Харьков, Баку, Екатеринослав (сейчас Днепропетровск), Лодзь. В эти годы в Донбассе сложился особый промышленный регион. Если в 1880 г. он давал лишь 5 % выплавленного чугуна, то в 1900 г. – 52 %. В 1860-х гг. в Донбассе добывалось 33 % российского угля, а в 1890-х гг. – 70 %. Этот поразительный скачок произошел в том числе благодаря иностранным инвестициям: бельгийским, французским, английским. В то же самое время центр нефтедобычи складывался в Закавказье, в районе Баку. В 1890-е гг. там добывалось 95 % всей российской нефти. Немалую роль в освоении бакинской нефти сыграла семья шведских предпринимателей Нобелей.

Складывались центры машиностроения. Паровозы, вагоны, пароходы строились в Сормове (около Нижнего Новгорода), Коломне, Луганске. Сельскохозяйственные машины собирали в Александровске, Елисаветграде (ныне Кировоград), Одессе, Харькове. В Центральной России появлялись фабрично-заводские поселки. Всего насчитывалось 329 поселений, где работало около 500 тысяч человек.

Все эти достижения сложились в большой экономический рывок, который сделала Россия в конце XIX столетия. За 1890-е гг. объем промышленного производства вырос в 1,5 раза. По выплавке чугуна Россия обогнала Францию и Австро-Венгрию. За последнюю треть XIX в. объемы выплавки выросли более чем в четыре раза. Добыча каменного угля увеличилась более чем в 30 раз. По основным параметрам промышленного производства Россия вышла на 4 – 5-е место в мире и на первое – по добыче нефти, которая с 1860 по 1895 г. выросла более чем в 700 раз. Россия по основным экономическим параметрам почти вплотную приблизилась к Франции, но продолжала существенно отставать от Англии, Германии и США. По словам Д. И. Менделеева, «царствование Александра III навеки будет блистать тем, что поставило интересы русской промышленности на самый первый план среди сложнейших задач руководителя обширнейшей монархии, как царствование императора Александра II блещет освобождением крестьян».

Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца в Москве. 1886 г. Художник И. Е. Репин.

Имя же С. Ю. Витте прочно связано с бурным железнодорожным строительством конца XIX в., которое процветало в годы царствования Александра II, но было заметно приторможено по окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За время царствования Александра III общая протяженность российских железных дорог увеличилась с 21 тысячи до 31 тысячи верст, то есть приблизительно на треть. Само железнодорожное строительство имело впечатляющие масштабы: в 1890-е гг. 2,5 тысячи км в год. Французский писатель Жюль Верн посвятил этому целый роман «Клодиус Бомбарнак», изданный в 1892 г. В 1880-е гг. были построены Закавказская и Закаспийская железные дороги. В 1890-е гг. сооружены линии Вологда – Архангельск, Пермь – Котлас, Москва – Рига. В 1891 г. началось строительство и Транссибирской магистрали, связавшей Европейскую Россию с Тихоокеанским побережьем. По протяженности железных дорог России стала второй в мире, уступая только США. Неслучайно на памятнике Александру III было написано: «Державному основателю Великого Сибирского пути».

Это строительство имело не только экономическое, военное, социальное, но и геополитическое значение. Ведь именно в царствование Александра III правительство приступило к созданию благоприятных условий для переселения многих крестьянских семей за Урал. Для этого было мало подписать соответствующие законы. Следовало создать необходимую инфраструктуру – проще говоря, построить железную дорогу, которая бы проложила путь на Восток.

Эти очевидные успехи не должны заслонять существенные проблемы, которые, безусловно, имели место в России, оставшейся крестьянской страной. Для деревни правительство уготовило не преобразования, а инерционный путь развития. Он предполагал не изменения, а консервацию аграрных отношений. Выбор в его пользу был сделан не столько крестьянами, сколько властью, которая опасалась превращения «сельских обывателей» в пролетариев, готовых к забастовкам и уличным столкновениям. Дабы этого не случилось, нужно было сохранить крестьянина на земле. По этой причине были изданы в 1893 г. законы, ограничившие земельные переделы в общине и вместе с тем установившие неотчуждаемость надельной земли, которую, соответственно, нельзя было продавать, закладывать, сдавать в аренду. Она никогда не должна была стать полноценной собственностью. Крестьянин же должен был оставаться общинником.

Это решение имело серьезные социальные последствия, которые правительство не просчитало. Быстро увеличившемуся в численности крестьянскому населению критически не хватало земли. Возникал так называемый земельный голод. Крестьянский надел конца XIX в. был существенно меньше, чем тот, что получил бывший крепостной по реформе 1861 г. Это болезненно воспринималось крестьянами и впоследствии, уже в начале XX столетия, провоцировало их на беспорядки.

И все же главная проблема была в другом. Общинный уклад не способствовал эффективному землепользованию, что порождало социальные катаклизмы. Отчасти это (помимо, конечно, природной аномалии и сбоя в организации продовольственной помощи населению) обусловило голод в Черноземье и Среднем Поволжье в 1891–1892 гг., охвативший 17 губерний Российской империи. Зависимость крестьянина от общины не позволяла реформу 1861 г. довести до ее логического конца, оставляя земледельца фактически в полукрепостном положении. Это создавало естественные ограничения и для дальнейшего промышленного развития страны, и для ее финансового благополучия.

Национальная политика

Александру III часто приписывается фраза, которую он, видимо, никогда не говорил: «Россия для русских». Тем не менее показательно, что уже в начале XX столетия этот лозунг ассоциировался с именем покойного императора. Последний действительно любил подчеркивать национальный характер своей власти, что, правда, не предполагало радикального разворота в национальной политике империи. Традиционно же царская власть подразумевалась как наднациональная. Она объединяла под своим скипетром все множество народов, населявших государство. В сочетании этих двух несовместимых подходов – очередное противоречие эпохи Александра III, которое скажется на дальнейшем развитии страны.

В 1897 г. прошла первая перепись населения России. Она показала, что империю населяло 129,1 миллиона человек. 44 % населения составляли русские, 18 % – украинцы, 6 % – поляки, 4 % – белорусы, 4 % – евреи, 3 % – казахи, 2 % – финны, 1,7 % – татары, 1,4 % – немцы, 1,3 % – литовцы, 1,1 % – грузины и др. В России говорили на 146 языках и наречиях. Это была многонациональная и многоконфессиональная страна. Большинство населения (около 70 %) исповедовало православие, 11 % – ислам, 9 % (в первую очередь поляки и литовцы) – католицизм, 4 % (евреи) – иудаизм. Финны, немцы, латыши, эстонцы чаще всего были протестантами. Православие оставалось государственной религией. Переход из него в другую религию считался преступлением, за чем бдительно следило ведомство Победоносцева.

Многие народы, проживавшие в России, сохраняли свой язык и самобытность. Преимущественно государство разрешало им жить по тем законам, к которым они привыкли. Например, в Прибалтийских губерниях (современных Латвии и Эстонии) продолжали действовать нормы шведского права. В дворянских собраниях там говорили по большей части по-немецки. В начальных школах учились преимущественно на эстонском и латышском языках. В Привислинских губерниях (Царстве Польском) некоторые нормы уголовного и гражданского права восходили к законодательству Наполеона I, учредившего их еще для Герцогства Варшавского.

Местная знать практически всегда входила в состав российского дворянства, значительную часть которого, например, составляли польские шляхтичи (29 % всего дворянства) и грузинские князья (6 %). Чуть более половины дворянства было

представлено русскими, украинцами и белорусами, к которым принадлежало 70 % населения Российской империи. Будучи причисленной к дворянству, местная знать получала возможность сделать государственную или военную карьеру. Представители многих немецких, грузинских, армянских, татарских, греческих, шведских фамилий сыграли немалую роль в становлении российской государственности, чему не мешала ни их национальная принадлежность, ни вероисповедание. Участие выходцев с окраин в управлении собственным краем только возрастало. Так, в 1871 г. в Ревеле (Таллине) эстонцев на государственной службе было 4 человека (т. е. 2 % от местного чиновничества), а в 1897 г. – 442 (т. е. уже 50 %).

Более того, Россией многое было сделано для сохранения самобытной культуры народов, ее населявших. Православные миссионеры сыграли немалую роль в том, что у народов Поволжья (марийцев, мордвы, чувашей и др.) возникла своя письменность.

Однако удивительные факты национальной и религиозной терпимости сочетались с попытками проведения русификаторской политики, которая коснулась прежде всего западных окраин империи. Формально лишь в редких случаях законодательство ограничивало права подданных Российской империи исходя из их национальной принадлежности. Ограничения распространялись чаще всего на религиозные группы (которые нередко совпадали с национальными).

Один из самых сложных национальных вопросов Российской империи – еврейский. Евреи составляли 4 % населения России. Причем в 1880 г. это более половины евреев всего мира (5 миллионов человек). Преимущественно они проживали в западных губерниях Российской империи (на территории Привислинских губерний, современных Литвы, Украины и Беларуси) – иными словами, на территории бывшей Речи Посполитой. Эти земли вошли в состав России после трех разделов Польши и наполеоновских войн. Тогда же, в XVIII в., была введена т. н. черта оседлости для евреев, которая устанавливала границу их расселения. В XVIII в. эта мера не имела большого ограничительного значения: население оставалось не слишком мобильным. Потом, на протяжении XIX в., постепенно расширялся круг лиц, на которых это ограничение не распространялось: это получившие высшее образование, купцы первых двух гильдий, врачи, фармацевты и др. Однако эти послабления касались меньшинства еврейского населения.

Большинство российских евреев (93 %) проживали в пределах, установленных чертой оседлости. Казалось бы, после

Великих реформ для них открывалось значительное пространство для личной инициативы: в промышленности, железнодорожном строительстве, адвокатуре, журналистике. В годы царствования Александра II права евреев постепенно расширялись. Новыми возможностями пыталась воспользоваться еврейская молодежь.

Правительство же Александра III уже пыталось чинить этому препятствия. Император не любил евреев и своих чувств не скрывал. На письме барона Гинцбурга, просившего государя об улучшении положения евреев, Александр III начертал: «Если судьба их печальна, то она предначертана Евангелием». А варшавскому генерал-губернатору И. В. Гурко он говорил: «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев, и все-таки не надо допускать этого». В силу этого неудивительно, что число мер, ограничивавших права евреев, существенно возросло в 1880-е гг. Они не могли селиться в деревнях даже в черте оседлости. Были установлены процентные нормы для поступления евреев в высшие и средние учебные заведения: не более 10 % в пределах черты оседлости, не более 5 % за ее пределами и не более 3 % в столицах. Евреи могли становиться адвокатами (присяжными поверенными) лишь с личного разрешения министра юстиции.

Такого рода ограничительные меры вызывали естественную реакцию у еврейского населения России. Немало его представителей эмигрировали (преимущественно в США). Многие же включились в политическую и даже революционную борьбу. Характерно, что с конца 1880-х гг. евреи составляли около 40 % участников революционного движения.

В чем-то схожие процессы имели место и в Великом княжестве Финляндском, обладавшем широкой автономией еще с 1809 г.: за уступками последовало ужесточение политики. В царствование Александра II правительство шло навстречу пожеланиям финнов. Финляндии было разрешено иметь собственную валюту (марку). В 1863 г. был созван сейм Финляндии. Были созданы территориальные части финских войск. Воцарение Александра III обозначало существенный поворот в политике. Она была нацелена на сворачивание финляндской автономии. По мысли императора, дарованные его предшественниками права могли быть и отняты самодержцем. Делопроизводство в Великом княжестве переводилось на русский язык. Все решения сейма Финляндии должны были согласовываться с общероссийскими министерствами. Финские военные подразделения были расформированы.

Русская деревня. Художник В. Д. Поленов.

Столь противоречивую национальную политику можно было бы считать необъяснимой, если не принимать во внимание один существенный факт: Российская империя строилась вокруг монарха. Предполагалось, что он был милостивым царем для всех своих подданных. И они должны были ему преданно служить вне зависимости от своей национальной принадлежности. В то же время в России, как и во всей остальной Европе XIX столетия, шел поиск формулы национальной идентичности. Конечно, в многоэтнической и многоконфессиональной стране он был затруднен, если вообще возможен. И все же складывавшийся национализм захватил умы части интеллектуальной элиты и, соответственно, властных верхов. Он определял и образ мысли императора, который оказывался царем-националистом в стране, где не было единой нации.

Царь-миротворец

Вступление на престол Александра III обозначало разворот во внешней политике, который происходил медленно, но верно. Многое определялось личными симпатиями нового царя, который союзу с Германией предпочитал альянс с Францией. Александр III недолюбливал немцев и не испытывал симпатии к их императору – Вильгельму II. Еще будучи наследником престола, он в отличие от отца сильно горевал в связи с победой Пруссии над Францией и нередко называл пруссаков «свиньями». Схожие и, пожалуй, даже более сильные чувства испытывала императрица, которая не могла простить Пруссии датского унижения 1864 г., когда всесильный канцлер этой страны О. Бисмарк отторг от Дании ее южную провинцию Шлезвиг.

Император Александр III.

Новый курс не мог утвердиться сразу. Многолетняя практика российской дипломатической службы учила искать союзников среди немецких государств. И отец, и дед Александра III были германофилами. В итоге в 1881 г. был возобновлен фактически распавшийся на Берлинском конгрессе «Союз трех императоров» – России, Германии и Австро-Венгрии. Он был направлен в первую очередь против Англии. Однако параллельно этому договору за спиной России между Германией и Австро-Венгрией был заключен тайный союз, теперь уже против России и Франции. К этому альянсу вскоре присоединилась Италия, которая вместе с

Германией и Австро-Венгрией составила Тройственный союз.

И все же его наличие не помешало России воспользоваться преимуществами соглашения с Германией и Австро-Венгрией. Не желая излишнего усиления позиций Англии, основного противника России, Германия и Австро-Венгрия поддержали Александра III в его притязаниях в Средней Азии. Кроме того, позиция «трех императоров» вынудила Турцию закрыть черноморские проливы (Босфор и Дарданеллы) для английского флота.

Император Александр III с супругой императрицей Марией Фёдоровной.

Не столь успешной была дипломатия Александра III на Балканах. Особенно ощутимо это было в Болгарии. За нее спорили Россия, с одной стороны, и Германия и Австро-Венгрия, с другой. Немецкая сторона одержала верх. Россия была вынуждена порвать отношения с новым проавстрийским правительством Болгарии. Это фактически положило конец «Союзу трех императоров», который в 1887 г. распался.

Однако и после этого России удавалось оказывать некоторое влияние на своих бывших союзников. В 1887 г. она заключила с Германией договор, по которому Россия должна была сохранять нейтралитет в случае войны между Германией и Францией, а Германия, в свою очередь, должна была оставаться в стороне в

случае конфликта между Россией и Австро-Венгрией. Конечно, на такого рода соглашения трудно было положиться. При этом Германия все чаще давала повод усомниться в своей дружественности. В 1886 г. правительство О. Бисмарка приняло ряд запретительных мер, которые должны были свести на нет интерес к российским ценным бумагам со стороны немецких финансистов, а следовательно, существенно снизить их цену. В том числе по этим причинам российская дипломатия усиленно вела переговоры с Францией, которая могла бы стать союзником России в ее противостоянии и с Германией и Австро-Венгрией, и с Англией. В 1894 г. после ряда предварительных соглашений вступил в действие договор между Россией и Францией, который окончательно обозначил новый расклад сил на внешнеполитической арене Европы тех лет. Союз с Парижем предполагал и финансовый разворот России. Теперь Франция становилась главным ее кредитором. Российские ценные бумаги преимущественно размещались на Парижской бирже.

Император Александр III с супругой императрицей Марией Фёдоровной.

Еще в 1891 г. Александр III принимал французскую эскадру в Петергофе. В честь гостей сыграли революционную «Марсельезу», недопустимую в самодержавной России. Однако император стоял навытяжку, а французы под звуки своего гимна кричали: Vive l'empereur! («Да здравствует император!») Незадолго до этого гофмаршал князь В. С. Оболенский предупреждал Александра III о недопустимости исполнения этой мелодии в России: «Ваше Величество, это "Марсельеза"». «Это их гимн, значит, его и следует играть, – отвечал царь. – Или, князь, Вы хотите, чтобы я сочинил новый гимн для французов? Нет уж, играйте тот, какой есть».

Россия в годы царствования Александра III практически не вела войн. Именно поэтому за царем закрепилось прозвище «миротворец». По словам В. О. Ключевского, «оказалось… что европейская цивилизация недостаточно и неосторожно обеспечила себе мирное развитие, для собственной безопасности поместилась на пороховом погребе, что горящий фитиль не раз с разных сторон приближался к этому опасному оборонительному складу и каждый раз заботливая и терпеливая рука русского царя тихо и осторожно отводила его». По мнению императора, войны были бы губительными для развития страны. И все же он признавал неизбежность большой войны в будущем, к которой России следовало готовиться. При этом не стоило особенно рассчитывать на помощь возможных союзников. Следовало полагаться прежде всего на собственные силы. Великий князь Александр Михайлович приписывал императору слова, которые получили большую известность и сейчас прочно ассоциируются с именем Александра III: «Во всем свете у нас два верных союзника… наша армия и флот. Все остальные при первой возможности сами ополчатся против нас». Нет уверенности, что император в действительности произнес эти слова. Великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах часто допускал неточности, вольно трактовал события. Однако нет сомнений, что в этом изречении заключалась позиция императора. Он отчетливо ее заявил, поднимая в 1889 г. тост за князя маленькой Черногории как за единственного союзника России. Таким образом, Александр III публично заявил, что империи, в сущности, не на кого надеяться за ее пределами.

Александр III с рапортом в руках. Художник В. А. Серов.

По словам видного дипломата В. Н. Ламздорфа, занимавшего тогда должность директора канцелярии Министерства иностранных дел, внешняя политика Александра III – самая сильная сторона его царствования. «Весь цивилизованный мир в конечном счете проникся доверием к огромной империи, которая, сохраняя верность программе, возвещенной при восшествии на престол Александра III, трудилась над развитием собственного процветания и силы, делая из них орудие умиротворения, а не разрушения и авантюр». Тем не менее оформление союза России и Франции, как и складывание Тройственного союза, обозначало возникновение двух враждующих блоков в Европе, которые копили силы для схватки друг с другом. Таким образом, в мирное царствование Александра III шла для многих незаметная подготовка к большой европейской войне.

Науки и искусства

Россия конца XIX в. переживала взлет искусства и науки. В то же время в стране к началу XX в. большинство населения не умело читать и писать. Согласно сведениям первой переписи 1897 г., всего грамотных в России было чуть более 21 %. Естественно, этот процент был неодинаковым в различных губерниях. Например, в Сибири число грамотных составило 12 %. Эта проблема осознавалась и правительством, и общественностью. Многое было сделано для ее разрешения. Большую роль в этом сыграли земские школы. Кроме того, росло число церковно-приходских и правительственных школ. К концу 1890-х гг. в России было около 30 тысяч приходских школ, в которых училось более миллиона человек. Всего же в начальных училищах было около 3200 тысяч учеников. В это время создавались новые высшие учебные заведения: Томский университет (1888), технологический институт в Харькове (1885), горный институт в Екатеринославе (1889), сельскохозяйственный институт в Москве (1894).

Следствием развития высшей школы стал прогресс научной мысли, сказавшийся в самых различных сферах знания. В 1880-е гг. Иван Михайлович Сеченов читал лекции по физиологии, о рефлексах головного мозга, разрабатывал вопросы психофизиологии и теории познания. В 1891 г. вышел его обобщающий труд «Физиология нервных болезней». В 1883 г. В. В. Докучаев опубликовал свою работу «Русский чернозем», в которой обосновал свое учение о географических зонах. В 1886 г. биолог Илья Ильич Мечников основал первую в России (и вторую в мире) бактериологическую станцию в Одессе. В 1882 г. А. Ф. Можайский собрал летательный аппарат – фактически первый отечественный самолет. В 1888 г. механик Ф. А. Блинов испытал первый в мире гусеничный трактор. В годы царствования Александра III всемирно известного химика Дмитрия Ивановича Менделеева правительство часто привлекало к разработке различных вопросов государственной важности (например, Таможенного тарифа 1891 г.). В 1893 г. Менделеев основал Главную палату мер и весов. «Шуму и блеску не было, а совершались же дела важные и трудные», – отзывался Менделеев о царствовании Александра III.

Собор Воскресения Христова на Крови (Храм Спаса на Крови). Архитекторы А. Парланд и архимандрит Игнатий (Малышев).

Из всех наук император более всего интересовался историей. Его увлекала русская древность. И он всячески покровительствовал ее изучению. Еще цесаревичем Александр Александрович поддерживал Русское историческое общество,

стал его почетным председателем. И уже будучи императором, Александр III не бросил это дело. Годичные собрания этого общества традиционно происходили в его присутствии в библиотеке Аничкова дворца. Царь часами слушал научные доклады, посвященные различным вопросам прошлого страны. Помимо этого, император был членом Московского археологического общества любителей русских древностей, Карамзинской библиотеки, Императорского археологического общества и др. Александр III с удовольствием читал исторические журналы, просматривал сборники Исторического общества. У него был свой взгляд на редакционную политику этих изданий. Он полагал, что не следовало публиковать мемуары недавно умерших лиц, в которых могли бы задеваться подробности быта еще живых.

Государь жертвовал личные средства на археологические экспедиции, реставрацию древних памятников. За годы царствования Александра III при личной его поддержке была восстановлена Ладожская крепость, отреставрированы Углицкий дворец, фрески Кирилловского монастыря в Киеве. Перед коронацией царя были отреставрированы храмы Московского Кремля, были расписаны интерьеры Грановитой палаты.

Император, когда еще был наследником престола, поставил вопрос об учреждении Исторического музея в Москве. Впервые эта мысль пришла цесаревичу в Копенгагене. Там его поразил легендарный замок Росенборг, где хранились скандинавские древности. Каждый зал музея был посвящен какому-нибудь веку датской истории. Пройдя замок, можно было составить представление о всей истории страны. Нечто подобное цесаревич хотел создать и в исторической столице – Москве, что в итоге случилось в 1872 г. После смерти императора музей носил его имя, а в 1898 г. в его вестибюле был установлен бюст Александра III.

Император ценил историков, с интересом относился к их работе. Он часто беседовал с историками И. Е. Забелиным, С. Ф. Платоновым, Н. К. Шильдером и др. В 1893–1895 гг. он поручил В. О. Ключевскому прочесть курс русской и всеобщей истории сыну – великому князю Георгию Александровичу. После смерти царя Ключевский чрезвычайно высоко оценил вклад Александра III в развитие исторической науки в России: «Государь умел находить досуг для скромной ученой работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например в иконографии… Оживление русской исторической мысли, поддержанной и ободренной просвещенным вниманием и

прямым личным участием почившего Государя, переживет его царственную деятельность, прервавшуюся столь преждевременно, и долго будет находить животворное питание в обильных исторических плодах Его царствования, вырощенных для России Его 13-летними державными заботами…»

Композитор Ц. А. Кюи. Художник И. Е. Репин.

Царь не был безразличен и к литературе. Со многими писателями был знаком лично. Например, с Ф. М. Достоевским, который не раз приходил в Аничков дворец, когда Александр Александрович был еще наследником престола, и читал там отрывки из романа «Братья Карамазовы». Император высоко ставил романы Л. Н. Толстого, правда, скептически оценивая его как философа. В семье Александра III нередко читали произведения Толстого вслух. Император вопреки мнению Святейшего Синода разрешил опубликовать «Крейцерову сонату» в собрании сочинений писателя. Государь оказывал финансовую помощь драматургу А. Н. Островскому, определив ему ежегодную пенсию в размере 3000 рублей.

Александр III многое сделал для поддержки живописи. Его не слишком интересовали старые западноевропейские мастера. Однако императора занимали древнерусские фрески, иконы, мозаики. Он увлекался и современной живописью, приходил на выставки, покупал картины русских художников, в том числе и с целью их материально поддержать. Александр III был высокого

мнения о живописи передвижников. «Я всегда смотрел на “товарищество” как на представителей передового русского искусства», – говорил он.

Царя связывали и личные контакты со многими художниками. Император встречался с И. И. Шишкиным, о котором очень высоко отзывался. Он пригласил художника в Беловежскую пущу, где, по мнению царя, можно было написать такой лес, какой в Центральной России и не увидишь. Шишкин последовал совету царя. В 1889 г. император посетил выставку Г. И. Семирадского, на которой приобрел несколько полотен. В 1891 г. Александр III пришел на выставку И. Е. Репина. Она была посвящена 25-летнему юбилею творческой деятельности художника. Сам живописец провел экскурсию для императора, которому многое понравилось. Он долго хвалил картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и особенно выделил портрет композитора Ц. А. Кюи.

Многие из лучших картин русской живописи XIX в. оказались в коллекции московского купца и мецената Павла Михайловича Третьякова. На ее основе Третьяков открыл музей, получивший название Третьяковской галереи. В 1892 г. он передал свою галерею в дар городу Москве. На ее открытии в 1893 г. присутствовал и император. Говорили, что, как раз следуя примеру Третьякова, Александр III задумал создать аналогичный музей в Петербурге. При этом на ниве коллекционирования царь был конкурентом московского купца. В ряде случаев ему удалось опередить Третьякова, купив для своего собрания «Запорожцев» И. Е. Репина, картины В. Д. Поленова «Христос и грешница», Г. Г. Мясоедова «Страдная пора» и др. Несколько лет спустя после смерти императора, в 1898 г., в Михайловском дворце Санкт-Петербурга был открыт Русский музей. Это было собрание живописи самого Александра III. Примечательно, что нынешний Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина создавался как Музей изящных искусств имени императора Александра III. Памятник покойному царю был поставлен в главном зале нового музея. Его основатель И. В. Цветаев называл музей просто Александровским.

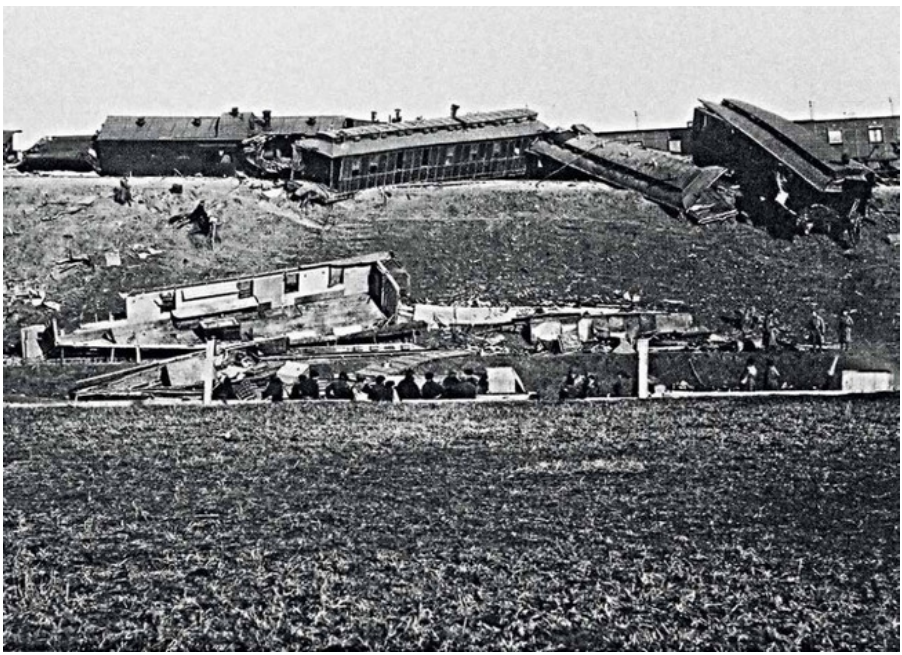
Император любил музыку. В детстве маленького великого князя даже учили игре на фортепьяно. Однако эти уроки будущему императору были в тягость. Он предпочитал духовые инструменты. В итоге вокруг него даже сложился настоящий оркестр. С большим удовольствием Александр III слушал церковное пение. Восторгался М. И. Глинкой. Ценил музыку Д. С. Бортнянского и А. Ф. Львова. Порой по его просьбе исполняли сочинения Р. Вагнера. Как это ни странно, Александр III не любил

композиторов «Могучей кучки» (Н. А. Бородина, М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова и др.), как раз стремившихся к созданию национальной музыки. Император отдавал предпочтение консерваторской традиции: например, П. И. Чайковскому. Часто в Гатчинском дворце по просьбе императора играли музыкальные опусы этого композитора. Примечательно, что император присутствовал на репетиции оперы «Пиковая дама» перед ее премьерой в 1890 г. Александр III старался всячески помогать композитору, в том числе и деньгами.

Отчасти вкусы императора формировали и архитектурную моду. Зодчие все чаще подражали зданиям допетровской Руси, ориентируясь на так называемый псевдорусский стиль. Это определило архитектурные особенности Исторического музея на Красной площади (архитектор В. О. Шервуд), возведенного к 1883 г., Верхних торговых рядов в Москве (архитектор А. Н. Померанцев), построенных к 1893 г. (ныне в этом здании располагается ГУМ). В 1882 г. император рассматривал проекты будущего храма Спас на Крови, который должен был быть воздвигнут на месте гибели Александра II. Ни один проект царю не понравился. По мнению Александра III, собор должен был соответствовать образцам ярославской архитектуры XVII столетия. Был организован новый конкурс, и победил проект А. Парланда и настоятеля Троице-Сергиевой пустыни Игнатия. Задуманный ими храм очень напоминал московский собор Василия Блаженного. Александр III так и не увидел окончания строительства. Храм был освящен в 1907 г. Однако он стал памятником эпохи Александра III, когда псевдорусский стиль господствовал не только в архитектуре, но и в политике, и в общественной мысли. К «стилизации» прибегали сановники, которые говорили об исконно русском характере русского самодержавия тогда, когда император практически полностью зависел от сложно организованной государственной машины управления. «Стилизация» была характерна для мыслителей, рассуждавших об особом национальном пути развития и при этом плохо себе представлявших быт большинства населения страны.

Кончина

17 октября 1888 г. произошел инцидент, возможно, сыгравший роковую роль в судьбе императора. В 50 км от Харькова сошел с рельсов императорский поезд. Скорость, с которой обычно он шел, делала аварию неминуемой. Об этом еще до катастрофы предупреждал С. Ю. Витте, тогда управляющий Юго-Западными железными дорогами. Министр путей сообщения К. Н. Посьет был вынужден согласиться с этими соображения, и время в пути императорского поезда увеличилось. Александр III был раздражен и винил во всем Витте. Высказывал претензии и министр путей сообщения. Витте раздраженно отвечал: «Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай другие делают, как хотят, а я государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом государю голову сломаете». Через два месяца это предсказание практически сбылось, что обратило царское внимание на Витте.



Последствия крушения императорского поезда в Борках.

«Бог чудом спас нас всех от неминуемой смерти. Страшный, печальный и радостный день. 21 убитый и больше 36 раненых», – записал в своем дневнике император. Царская же семья не пострадала, если, конечно, не считать собаку Камчатку –

любимца государя. Говорили, что могучий император держал на своих плечах крышу вагона, пока не подоспела помощь. Рассказ Посьета не подтверждает этой легендарной истории. И все же с этих пор Александр III жаловался на боль в пояснице. Врачи полагали, что речь шла о болезни почек, которая в итоге подорвала здоровье царя. Александр III не любил врачей, предпочитал обходиться без их помощи. И все же царь, от здоровья которого во многом зависела империя, не мог их полностью игнорировать. Доктора же настаивали на том, что Александр III нуждался в более активном образе жизни и свежем воздухе. Профессор Лейден говорил, что «как и всех людей, государя можно сравнить с печкой, в которую кладут топливо, но если не выгребать золу, то внутренность печки засоряется, а могучий организм Александра III нуждался в особенно тщательной чистке».

Семья Александра III с любимой лайкой императора Камчаткой.

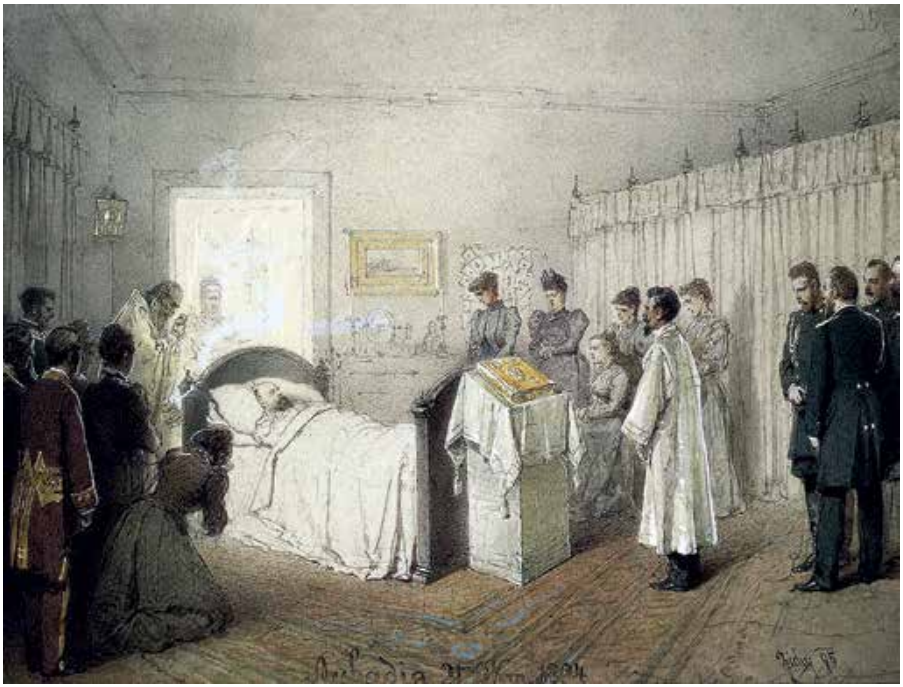
В сентябре 1894 г., во время отдыха в Беловежье, почувствовал себя совсем дурно. Врачи диагностировали воспаление почек – нефрит. Император переехал в Спалу, недалеко от Варшавы, но там ему стало еще хуже. Пришлось отправиться на лечение в Крым – в Ливадию. Вообще-то император не выносил жары и по этой причине не слишком жаловал Крым. К тому же с Ливадией были связаны неприятные воспоминания последних лет царствования Александра II. Однако свои последние дни он провел именно там. Александр III таял на глазах. Он быстро худел, не мог есть, ходить, лежать, спать. Пальто висело на нем как на вешалке. Ничего не осталось от его могучего телосложения. В ближайшем окружении императора подумывали о том, чтобы перевезти Александра III за границу: например, на греческий остров Корфу. Однако не было

уверенности, что больной вынесет долгое путешествие. Кроме того, всероссийский император не мог окончить свои дни за границей, а многие уже понимали, что жизнь царя подходит к концу. Даже в таком состоянии император не желал оставлять государственных дел, продолжая подписывать военные приказы. 19 октября Александр III встал, оделся, пошел в кабинет к письменному столу. Там с ним случился обморок.

Могила Камчатки, погибшей при крушении царского поезда и похороненой у Гатчинского дворца.

Императрица Мария Фёдоровна рядом с телом Александра III. Художник М. Зичи.

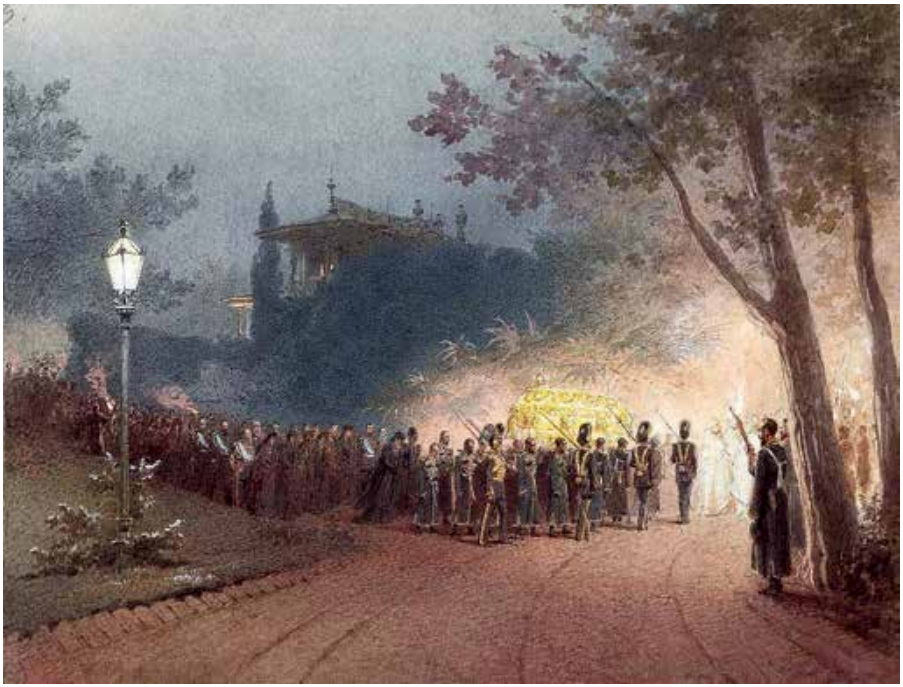
Вынос гроба Александра III из траурного поезда в Москве 30 октября 1894 год. Художник М. Зичи.



Заупокойная служба по умершему Александру III в комнате Ливадийского дворца 21 октября 1894 года. Художник М. Зичи.

20 октября 1894 г. Александр III скончался. Вскрытие показало, что причиной смерти стала гипертрофия сердца, о которой врачи не догадывались. 30 октября гроб с телом покойного императора под звон колоколов внесли в Архангельский собор Московского Кремля. 1 ноября в 10 часов утра Александра III встречала столица. Под звуки гимна «Коль славен наш Господь в Сионе» процессия двинулась от Николаевского вокзала Санкт-Петербурга. Впереди несли 52 знамени и 12 гербов. Между знаменами были два латника. Один, в золотых доспехах, ехал на коне, с обнаженным мечом. Другой, в черных доспехах, шел пешком. Он символизировал бесконечную скорбь народа. За ними шли сановники и министры, которые несли ордена и императорские регалии. Следом – духовные лица с хоругвями и крестами. Лишь затем ехал катафалк, за которым шли жена, сын покойного, а также невеста нового императора. В 2 часа дня гроб внесли в Петропавловский собор. 7 ноября Александр III был погребен.

Похороны императора Александра III в Санкт-Петербурге.



Вынос тела Александра III из Малого дворца в Ливадии. Художник М. Зичи.

Итоги царствования

Александр III, сильный от природы, наделенный богатырским телосложением, умер совсем молодым человеком. Ему было всего 49 лет. Этот факт невольно заставлял современников задуматься: а что бы случилось, если бы император прожил дольше, если бы сравнительно благополучное и мирное царствование растянулось еще на двадцать лет? Многим хотелось бы верить, что и судьба России тогда была бы иной. Например, А. Н. Бенуа писал в своих воспоминаниях: «Разумеется, Александр III не был идеальным государем. Ограниченность его интеллекта, примитивность, а то и просто грубость его суждений, его далеко не всегда счастливый выбор сотрудников и исполнителей – все это не сочетается с представлением идеального самодержца. Наконец, его ограниченный национализм выливался подчас в формы мелочные и очень бестактные. И уж никак нельзя считать за нечто правильное и подходящее то воспитание, которое он дал своим детям и особенно своему наследнику… И все же несомненно его (слишком кратковременное) царствование было в общем чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись еще при нем, продлился в течение всего царствования Николая II – и это невзирая на бездарность представителей власти, на непоследовательность правительственных мероприятий и даже на тяжелые ошибки. Проживи дольше Александр Александрович – этот “исполинский мужик” или “богатырь”, процарствуй он еще лет двадцать, история не только России, но всего мира сложилась бы иначе и несомненно более благополучно».

Александр III в гробу.

Действительно, в годы царствования Александра III Россия

существенно менялась. Давали о себе знать результаты Великих реформ Александра II. В середине 1860-х гг. в России было всего четыре города, население которых превышало 100 тыс. человек. К 1894 г. таких городов было 19, а городов с населением от 50 до 100 тысяч – 37. В 1881 г. были сооружены телефонные станции в Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Варшаве. Телефонная линия Москва – Петербург была самой протяженной в мире (660 км). В начале XX в. она ежедневно обслуживала более 200 переговоров.

Памятник Александру III на Знаменской площади в Санкт-Петербурге. Скульптор П. Трубецкой.

Уже в 1882 г. в Петербурге по телефонной линии транслировалась опера «Русалка» из Мариинского театра. Менялся и внешний облик городов, прежде всего столиц. Так, в Москве на рубеже 1880 – 1890-х гг. «стали вырастать то там, то

тут небоскребы, многоэтажные дома с массою квартир, а на Девичьем поле, словно по мановению волшебного жезла, раскинулся целый городок превосходно устроенных университетских клиник (все на пожертвования крупного московского купечества), потом пришли телефоны, автомобили и трамваи». Усложнялись коммуникации. Становилось больше газет и журналов. В 1882 г. – 554 периодических издания, в 1888 г. – 637. Далее рост становится куда более стремительным: в 1895 г. – уже 841 издание. Главное же заключалось в том, что постепенно менялось общество. «Дети» Великих реформ – адвокаты, деятели местного самоуправления, земские учителя и врачи, сравнительно многочисленные журналисты – обретали все больший вес, их голос звучал громче. В конце концов, их просто становилось больше. Известный публицист и издатель А. С. Суворин отмечал, как сильно изменились люди за последнее время, «что у них есть много инициативы, что они совсем иначе работают, что это люди с убеждением, могут принести пользу, а если правительство их не поддержит, они будут хуже анархистов».

Правительство же не спешило замечать эти изменения, хотя во многом само создавало для них предпосылки. Оно не поспевало за временем, невольно подготавливая будущий кризис. Ближайшее окружение императора, задумав ревизию всего содеянного за время предыдущего царствования, не смогло предложить обществу собственную «повестку». По меткому выражению О. Б. Рихтера, оно было озабочено тем, чтобы то там, то здесь чинить прохудившийся «котел» русской жизни, зная, что это дело безнадежное, что в любом случае он когда-нибудь взорвется.

Главные даты жизни Александра III Александровича

26 февраля 1845 г.

Рождение в семье цесаревича Александра Николаевича второго сына – Александра (будущего Александра III).

12 апреля 1865 г.

Кончина цесаревича Николая Александровича. Великий князь Александр Александрович (будущий Александр III) стал наследником престола.

28 октября 1866 г.

Бракосочетание великого князя Александра Александровича и принцессы Дагмар (в православии Марии Фёдоровны).

6 мая 1868 г.

Рождение в семье великого князя Александра Александровича старшего сына Николая.

1877–1878 гг.

Русско-турецкая война, в которой участвовал во главе Рущукского отряда великий князь Александр Александрович.

22 мая 1880 г.

Кончина матери – императрицы Марии Александровны.

1 марта 1881 г.

Убийство террористами императора Александра II. Воцарение Александра III.

29 апреля 1881 г.

Издание Манифеста о незыблемости самодержавия.

14 августа 1881 г.

Издание Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

15 мая 1883 г.

Коронация Александра III.

18 августа 1884 г.

Издание университетского устава.

17 октября 1888 г.
Крушение императорского поезда в Борках.

12 июля 1889 г.
Издание Положения о земских начальниках.

12 июня 1890 г.
Издание Земского положения.

1891 г.
Начало строительства Транссибирской магистрали.

1891–1894 гг.
Формирование русско-французского союза.

11 июня 1892 г.
Издание Городового положения.

1894 г.
Начало введения винной монополии.

20 октября 1894 г.
Кончина императора Александра III.